

А. Н. Степанов

ПОРТ-АРТУР

Том 2

Битвы на все времена

Александр Степанов

Порт-Артур. Том 2

Издательство "Руда"

1940

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

Степанов А. Н.

Порт-Артур. Том 2 / А. Н. Степанов — Издательство "Руда",
1940 — (Битвы на все времена)

ISBN 978-5-6042789-8-7

Роман «Порт-Артур», один из лучших исторических романов советской литературы, посвящен русско-японской войне 1904 – 1905 гг. Используя огромный документальный материал и личные наблюдения, автор рассказал в нем правду о героической многомесячной обороне крепости Порт-Артур, художественно-достоверно выписав образы русских патриотов – адмирала Макарова, генералов Белого, Кондратенко, многих офицеров и солдат.

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

ISBN 978-5-6042789-8-7

© Степанов А. Н., 1940
© Издательство "Руда", 1940

Содержание

Том 2	6
Часть 3	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Николаевич Степанов

Порт-Артур

Том 2

© Степанов А. Н., наследники, 2019 г.

© Заикин А. Ю. иллюстрация, 2019 г.

© ООО Издательство «Руда», 2019 г.

Том 2

Часть 3

Глава первая

Семнадцатого июля 1904 года Четвёртая и Седьмая Восточносибирские стрелковые дивизии после ряда неудачных боёв на Зелёных и Волчьих горах отошли в Артур. Началась тесная блокада крепости. Японцы энергично принялись за осаду. Уже через неделю они подвезли крупные орудия и двадцать пятого числа, в воскресенье, во время крестного хода впервые обстреляли город и находившуюся на внутреннем рейде эскадру.

Стоял жаркий день. На площади у Отрядной церкви с утра стали собираться немногие оставшиеся в осаждённом городе жители со своими семьями, мелкие служащие, рабочие порта, свободные от службы офицеры и солдаты.

К началу молебствия прибыл Стессель с женой. Для торжественного соборного служения из всех артурских церквей собралось около двух десятков военных и морских священников. В

праздничных золотых и серебряных ризах они усердно молили Бога о помощи и избавлении от надвигавшихся с началом осады бедствий.

Над толпой медленно поднимался колечками сизый дымок ладана. Объединённый хор певчих мягко вторил молениям. Обдав друг друга и молящихся облаками ладана, священники двинулись крестным ходом по грязным и пыльным улицам к набережной Старого города, откуда издали осенили крестным знаменем стоявшие на внутреннем рейде суда. Затем по Пушкинской и другим улицам крестный ход вышел к Новому китайскому городу на луг у Цирковой площади.

Вдруг вдалеке мягко прозвучал выстрел. В воздухе нарастал резкий свист быстро приближающегося снаряда, за которым последовал оглушительный взрыв. Над толпой взвился огромный султан чёрного дыма. Все, как один, с воплями кинулись бежать в разные стороны, теряя по дороге шляпы, зонтики, обувь. Упавших топтали ногами.

Стессель, его жена и окружающая их свита были тоже смяты бегущими. С генерала сорвали фуражку и изрядно помяли ему бока. Генеральшу оттеснили в сторону, сбили с головы шляпу и в довершение всего опрокинули в какую-то яму.

Стессель, не видя своей жены, решил, что она опередила его, и вслед за толпой бросился под защиту ближайших строений и пришёл в себя лишь в одном из подвалов.

Всё поле было сплошь покрыто одеждой, зонтиками, шляпками... Тут же тускло блестя на солнце ризы и хоругви. Среди всего этого хаоса лежало около двух десятков людей – раненых, полузатоптанных и просто испуганных. Некоторые из них пытались подняться на ноги, другие же лежали недвижимо, считая, что опасность ещё не прошла.

Когда первый переполох миновал, появились солдаты и начали подбирать людей и собирать разбросанные вещи.

Стессель, покинув убежище, поспешил на розыски своей жены. Вскоре два стрелка почтительно привели под руки не столько испуганную, сколько взбешённую, плачущую от стыда и злости Веру Алексеевну.

При виде её генерал побледнел сильнее, чем при взрыве японских снарядов.

– Ты должен наградить их за проявленное геройство, – хрипя от злости, проговорила генеральша, кивнув на солдат. – Они оказались храбрее многих офицеров.

Генерал покраснел, поняв намёк жены.

– Да, да. Спасибо вам, братцы, – поспешил обратиться он к солдатам. – Награждаю вас за совершённый вами подвиг Георгиевским крестом и двадцатью пятью рублями каждого.

– Рады стараться! – крикнули изумлённые солдаты, не понявшие, в чём заключался их подвиг. – Покорнейше благодарим, ваше превосходительство.

Подоспевшая коляска тотчас увезла превосходительных супругов.

Между тем японцы перенесли огонь на набережную и порт. В течение всего дня то усиливалась, то ослабевала бомбардировка города и внутреннего бассейна. Хотя существенных разрушений она и не причинила, но произвела на всех ошеломляющее впечатление. Стала очевидна полная непригодность Артура как крепости, защищающей город и флот. Отныне Артур оказался под постоянной опасностью обстрела в любое время дня и ночи.

Особенно переполошились моряки: два снаряда, угодившие в «Цесаревича», разрушили на нём рубку беспроволочного телеграфа и легко ранили при этом адмирала Витгефта. В порту был повреждён дом адмирала Григоровича и морской госпиталь.

В этот же вечер в штабе Стесселя собралось экстренное совещание морских и сухопутных начальников по вопросу о дальнейшей обороне крепости. Стессель требовал от моряков немедленного огня из всех крупных судовых орудий по наделавшей столько бед японской батарее.

– Но её ниоткуда не видно, – возразил генерал Белый.

– Стреляйте по вспышкам выстрелов, по направлению звука; одним словом, делайте что хотите, но чтобы завтра она была уничтожена, – требовал генерал.

– Приму все меры к этому.

– Нет, ты должен наверняка уничтожить японцев. Ведь сегодня пострадало от снарядов около двадцати человек мирного населения да растоптано толпой пятнадцать человек, из них три женщины и два ребёнка. О синяках и ушибах я уже не говорю. Даже мы с женой не избежали этого.

– На эскадре и в порту убито трое, десять ранено, в том числе мой флаг-офицер и я, – добавил Витгефт, кивая на свою перевязанную руку.

– Сами в этом виноваты, ваше превосходительство. Уйди эскадра из Артура десятого июня, ничего бы этого не было. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему я так настаивал на скорейшем уходе флота из Артура? С начала тесной осады Артур становится ловушкой для флота, – сердито проговорил Стессель.

Присутствующий здесь же Григорович только горестно вздохнул. Сегодня при взрыве снаряда погибла чудесная коллекция китайского и японского фарфора, которую он тщательно собирал в течение ряда лет.

– Не произвести ли нам сильную вылазку в район расположения зловредной батареи с целью её уничтожения? – предложил комендант крепости Смирнов.

– Наши части ещё не совсем приведены в порядок после отхода с Волчьих гор. Поэтому нам фактически нечем сейчас производить вылазки, – возразил Кондратенко.

– Послать моряков, хотя бы десантные роты, – предложил Стессель.

– Матросы у нас не обучаются ни рассыпному строю, ни штыковым атакам. Они едва ли пригодны для этой цели, – возразил Витгефт.

– Хитрость невелика, было бы желание, – буркнул Стессель.

– Кроме того, эскадра в ближайшие дни попытается прорваться во Владивосток, и матросы сейчас нужны на кораблях. Их ведь не заменишь стрелками, – подпустил шпильку адмирал.

– Использование матросов для вылазки, конечно, поставит наши суда в затруднительное положение, – поддержал Витгефта Григорович.

– Для вылазки наиболее пригодны пограничники – эти артурские пластуны, – вмешался в разговор Кондратенко. – Они привыкли незаметно подкрадываться к врагу.

– В таком случае назначим две роты пограничников и роту квантунского экипажа¹, – решил Стессель. – Общее руководство операцией возлагаю на генерала Кондратенко.

На «Цесаревиче» Витгефта поджидала телеграмма наместника, только что доставленная китайцем-джонщиком из Чифу.

– «С мнением совещания флагманов и командиров о невозможности выхода эскадры из Артура не согласен. По повелению его величества, приказываю идти во Владивосток, избегая при этом боя. Напоминаю всем начальствующим лицам о подвиге «Варяга» и предупреждаю, что невыход эскадры в море в случае падения крепости поведёт к её несомненной гибели. Вся ответственность за этот позор Андреевского флага и честь родного флота целиком ляжет на вас, адмиралов и командиров. Настоящую телеграмму сообщить им всем под расписку. Адмирал Алексеев», – кончив чтение, Витгефт, забыв о своём лютеранстве, набожно по-православному перекрестился.

¹ «...роту квантунского экипажа...» – экипаж – в военном флоте береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых и вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнялся к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

– Теперь уже больше разговаривать и спорить нельзя, Вильгельм Карлович, – проговорил довольный Матусевич. – Надо идти на прорыв. Завтра же с утра соберём всех командиров и ознакомим с полученным распоряжением.

– Действуйте, Николай Алексеевич. Я на всё согласен. Победить мы не победим, но хоть умрём с честью, коль от нас этого потребуют, – печально проговорил командующий флотом и, отпустив Матусевича, засел за длинное письмо своей семье, в котором трогательно попрощался с нею «ввиду неизбежной нашей гибели в предстоящих боях».

Расставшись со Стесселем, Кондратенко в сопровождении своего начальника штаба подполковника Науменко и Звонарёва тотчас поскакал в Новый город, где располагались пограничники. Генерал целиком был поглощён мыслью о предстоящей вылазке и быстро прикидывал в голове различные варианты организации поиска столь опасной для крепости батареи. Науменко и Звонарёв молчаливо следовали за ним.

– Я уверен, что подполковник Бутусов сумеет найти зловредную батарею, а быть может, и уничтожить её, – задумчиво произнёс Науменко.

– Неожиданный отход Фока с Волчьих гор поставил крепость в критическое положение. Хорошо, что японцы ещё сразу не кинулись за нами и не ворвались в Артур на плечах отходящих частей. Несдобровать бы нам при нашей неурядице, – отозвался Кондратенко.

– Недаром же Стессель даже пошёл на отстранение Фока от оперативной деятельности, – поддакнул Науменко.

– Это не отстранение. Фок назначен начальником общего резерва с подчинением непосредственно Стесселю. Получается, что Смирнов хотя и является комендантом крепости, но распоряжаться резервом без ведома начальника района не имеет права, – возразил Кондратенко.

– Район-то уже весь в руках японцев. Осталась одна крепость, подчинённая Смирнову как её коменданту. Стессель, в сущности, сейчас ни при чём. Его власть кончилась с занятием района японцами.

– Тем не менее Стессель фактически командует всем, а Смирнов – ничем. Тут трудно что-либо понять. Потребуется² разъяснения из Питера или Маньчжурии, – продолжал сетовать Кондратенко.

Несмотря на позднее время – было около полуночи, – Бутусов ещё не спал и встретил гостей, как всегда, весьма радушно, пригласив генерала и его спутников к столу. Кондратенко быстро объяснил подполковнику цель своего позднего визита. Ознакомившись с районом, который надо было осмотреть, Бутусов сказал:

– До рассвета не успеем его как следует обшарить. В пять светает, через полчаса выступим. На поиск останется всего четыре часа. Надо спешить, – и он вышел, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Через полчаса отряд выступил. Кондратенко, как всегда, напутствовал солдат. В зелёной форме пограничники были совершенно незаметны в ночной темноте. Мягкие соломенные туфли-зори делали движения солдат бесшумными, хорошо пригнанная амуниция нигде не звенела и не скрипела. Традиционные у пограничников папахи были заменены защитными фуражками.

– К утру будет туман, – потянул носом воздух Бутусов. – С моря тянет влагой, и звёзды сильно мигают. Я, ваше превосходительство, беру с собою трёх китайцев, в том числе садовника генерала Белого. Они жители тех деревень, где сейчас находятся японцы, и послужат нам проводниками ночью. При нужде останутся и на день в японском тылу для розыска батареи.

² ...Потребуется разъяснения из Питера или Маньчжурии... » – несамостоятельность, неперспективность военного руководства в Русско-японскую войну 1904–1905 годов привели к тому, что по любому поводу военачальники запрашивали мнение Петербурга. В Маньчжурии находился штаб командующего русской Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

– Доверия-то они заслуживают? – спросил генерал.

– У одного японцы изнасиловали и убили жену, у другого зарезали отца, у третьего сожгли дом. Им есть за что мстить японцам. Я их знаю уже несколько лет и вполне доверяю им.

– Раз так, значит, всё в порядке. Китайцы могут быть нам очень полезны, – согласился Кондратенко.

Бутусов отдал несколько коротких распоряжений, и отряд неслышно двинулся. Люди шли налегке, без шинелей и вещевых мешков, но с сапёрными лопатами и пироксилиновыми шашками.

Стояла тёплая, тихая, безлунная ночь. Лёгкий туман закрывал долины и овраги. Тишина нарушалась лишь лаем собак и воем шакалов, да в ароматной по-ночному траве неумолчно трещали цикады, чуть шелестел гаолян. Нигде не было слышно ни единого выстрела, только белые ленты бессонных крепостных прожекторов, то затухая, то разгораясь, скользили по окрестным сопкам и долинам.

Отряд Бутусова быстро добрался до сторожевого охранения и здесь остановился. Собрав у себя в небольшой придорожной фанзе командиров рот и взводов, подполковник ещё раз указал по карте районы поисков и направление движения каждого взвода. Затем вызвал проводников-китайцев. Они должны были провести пограничников в японский тыл, где предполагалось расположение зловредной батареи.

Пять взводов двинулись по указанным направлениям, а три остались в резерве. Пройдя сотню шагов, солдаты растаяли в ночном сумраке.

Прошло томительных полчаса. По-прежнему всё было совершенно спокойно, только в некоторых местах вой шакала вдруг то замолкал, то начинался с новой силой. Солдаты, лёжа в придорожной канаве, чутко прислушивались к окружающему, изредка перебрасываясь односложными замечаниями.

Вскоре прибыл ординарец от среднего взвода с донесением, что взвод благополучно перешёл через речку и, сняв японских часовых, продвигается дальше в тыл неприятеля.

Бутусов довольно крикнул, потянулся своим невысоким, но коренастым телом и вполголоса приказал резервным взводам подниматься.

Вскоре они, рассыпавшись по гаоляну, неслышно двинулись вперёд. Бутусов с несколькими солдатами шёл по дороге. Справа неожиданно раздались беспорядочные выстрелы, но стрельба так же внезапно смолкла, как и началась. Наступившая затем тишина показалась особенно глубокой. Впереди запищала потревоженная птица.

Примолкнувшие было после выстрелов лягушки снова завели свой концерт. При свете электрического фонаря Бутусов справился по карте. До намеченного для поиска района оставалось ещё около километра. Один за другим прибывали с донесением ординарцы. Пограничники уже перевалили за первый хребет и теперь разыскивали злополучную батарею. Проводники-китайцы углубились в расположение японцев и собирали среди китайцев сведения о расположении японской артиллерии.

Бутусов приказал разжечь костры поярче и сидеть возле них.

– В зелёной одежде вы ночью сойдёте за японцев. Они примут вас за своих и не будут думать об опасности, – пояснил подполковник.

Громкий взрыв впереди прервал разговор. За первым взрывом последовало ещё несколько, вспыхнула сильная ружейная перестрелка. Совсем близко раздались бешеные крики «банзай». Бутусов с резервными взводами скорым шагом двинулся на выстрелы. Ночная тишина сменилась грохотом взрывов, треском ломаемого гаоляна, топотом людей, вскриками и призывными свистками командиров.

– Бей японца штыком, не давай ему кричать, – приказывал Бутусов.

Ночь огласилась гулками орудийными выстрелами, разрывами снарядов и гранат. В воздухе ярко вспыхивали букеты шрапнелей. Бой быстро разгорался.

С хребта Бутусов пытался рассмотреть, что делалось в низинах, но туман мешал что-либо разобрать в темноте. Сквозь тьму в различных местах мелькали огоньки ружейных выстрелов, справа брызнула пулемётная очередь. Неожиданно запылала кем-то подожжённая китайская деревня. Красноватый колеблющийся свет пожара осветил несколько дворов и часть деревенской улицы, по которой метались человеческие фигуры. Справа взвилась к небу, оставляя за собой искристый след, ракета и, разорвавшись, рассыпалась целым каскадом ярких звёздочек, которые, медленно оседая вниз, освещали землю ослепительно-белым светом.

Бутусов засвистел. Тотчас ему ответили с разных сторон – перед ним выросли тёмные фигуры солдат.

– Третий взвод взорвал пушку, с трёх других снял замки и прицелы, – доложил один из них и в качестве вещественного доказательства положил на землю прицелы.

– Где сейчас взвод?

– Японец дюже наседает, отходит взвод сюда, сейчас здесь будет.

– Первым взводом захвачено два пулемёта с лентами, батареи не нашли, – доложил следующий солдат.

– Второй взвод взорвал две пушки, прислугу побил. Японцев захватили врасплох и многих покололи, – доложил ещё один ординарец.

Другие два взвода налетели на бивак пехотного полка, устроили большой переполох, но затем едва ушли от наседавших со всех сторон японцев.

– Передайте приказ во все взводы: отходить за речку и дальше. Я с резервом останусь здесь, чтобы прикрыть ваш отход. Поскорее доставляйте в тыл раненых, – распорядился Бутусов.

Рассыпавшись вдоль хребта, резервные взводы встретили японцев дружными залпами. Трудно было рассчитывать на попадание в такой темноте, но японцы всё же не осмелились идти дальше и стали окапываться. С долин пополз густой туман, под прикрытием которого пограничники, вынеся всех раненых, благополучно вернулись на линию русского сторожевого охранения.

На рассвете Бутусов уже докладывал Кондратенко о результате ночного поиска.

– А китайцы ваши? – вспомнил генерал.

– Остались до следующей ночи в тылу у японцев, чтобы проследить днём за стрельбой японских батарей, – объяснил Бутусов.

Осмотрев захваченные пограничниками прицелы, Звонарёв объявил, что только один из них принадлежит морской пушке, а остальные – лёгким и горным орудиям.

– Значит, вредную батарею уничтожить так и не удалось, – вздохнул Кондратенко.

Как бы в ответ ему начался обстрел порта и гавани из дальнобойных орудий.

Кондратенко приказал прапорщику ехать к Белому с докладом о результатах поиска. Город ещё только просыпался. Открывались первые магазины, китайцы торопливо катили по улицам лёгонькие колясочки с булками, овощами и другой снедью. Хозяйки с кошёлками шли на рынок, рабочие двигались к портовым мастерским. Никто из них не обращал внимания на обстрел гавани, где то и дело взлетали в воздух высокие всплески воды от падающих снарядов.

Около «Этажерки» Звонарёв неожиданно встретил Варю Белую. Она имела очень утомлённый вид, но, как всегда, была преисполнена энергии.

– Меня не пропускают домой из-за обстрела гавани, – жаловалась она.

– Берите мою лошадь и скачите вокруг Золотой горы, – предложил прапорщик. – Я только что хорошо выспался и отдохнул. Доберусь до Управления артиллерии и пешком.

Взобравшись на лошадь, Варя помчалась вперёд, а Звонарёв стал пробираться в Управление артиллерии. Один из снарядов поджёг в порту цистерны с машинным маслом, и чёрный густой дым закрыл всю Золотую гору и район порта. Приходилось идти с трудом в клубах мас-

лянистого чёрного дыма, непроницаемого для лучей солнца. Когда прапорщик добрался до квартиры Белого, то походил на негра.

– Отправляйтесь в ванну, – распорядился генерал, увидев Звонарёва.

Помывшись и приведя себя в порядок, прапорщик отправился на доклад к генералу в Управление артиллерии, где он застал Тахателова и Гобято.

– Объявим премию за отыскание проклятой батареи. Сто рублей офицеру, двадцать пять солдату. Установим круглосуточное дежурство на Большом Орлином Гнезде, Перепелиной горе и на Высокой. С них открывается большой кругозор, – предложил Тахателов.

– Надо связаться с моряками. Они крепко заинтересованы в уничтожении этой батареи, – добавил Гобято.

– Следует привлечь местное китайское население, которое прекрасно знает окрестные горы и может сильно помочь в отыскании батарей, – проговорил Звонарёв.

– Попрошу вас, Сергей Владимирович, по этому вопросу связаться с Петром Дмитриевичем Бутусовым. У него среди китайцев много знакомых и друзей, – распорядился Белый.

На этом и порешили.

Едва прапорщик вышел из Управления, как встретился с Вен Фань-веем. После своего неудачного покушения на Танаку в Дальнем китаец вернулся в Артур к семье. Узнав об отходе русских войск и приближении японцев к Артуру, Вен хотел было тотчас уехать с женой и ребёнком на джонке в Чижу. Но для этого надо было получить разрешение городского совета, и Вен обратился к Варю с просьбой помочь ему в этом деле. Варя рассказала отцу о намерении садовника. Белый велел передать китаюцу, что японцев к самому Артуру не подпустят, и Вен успокоился.

Отступление русских снова заставило Вена подумать об отъезде из Артура, особенно когда начался обстрел осадными батареями города и порта. Но предварительно он решил пробраться в осадную армию, где находились его родственники, и поэтому согласился принять участие в разведке, организованной Бутусовым.

Вернувшись с рассветом, Вен решил лично сообщить Белому о том, что видел в японском тылу. Тут ему и встретился Звонарёв. Китаец теперь часто видел прапорщика вместе с Варей и постепенно изменил к нему своё отношение.

– Здравствуй, лао Вен Фань-вей, – приветствовал его Звонарёв. – Нашёл батарею, которая обстреливает город и порт?

– Моя видала много-много батарея. Они шипко пуф-пуф делай. Какая в карабли, не знай. Моя хоти генерала Белая говори, – ответил китаец.

Прапорщик провёл китаюцу в Управление артиллерии. Вен рассказал о том, что видел. Но, плохо зная русский язык, многого не сумел объяснить. Белый вызвал к себе Бутусова, который руководил разведкой и неплохо владел китайским языком. С его помощью удалось уточнить многие детали расположения вражеских осадных батарей.

Белый хотел было представить Вен Фань-вею к награде, но китаец отказался и лишь попросил помочь ему выехать, когда будет нужно, из Артура.

На другой день на флагманском броненосце «Цесаревич» состоялось совещание флагманов и командиров. Генерал Белый немедленно собрался в дорогу и взял с собой Звонарёва.

Японцы перенесли огонь на стоящие на внутреннем рейде суда. «Ретвизан», «Победа» и «Цесаревич» усиленно осыпались снарядами. Прошло около получаса, пока к пристани Артиллерийского городка смог подойти паровой катер «Цесаревича». В момент его отхода один из снарядов угодил в борт броненосца и, разорвавшись, изрешетил катер. Кроме того, оказалась перебитой дымовая труба и штуртросы³. Поэтому, прежде чем пускаться на нём в путь, надо было произвести необходимый ремонт.

³ Штуртрос – трос от штурвала к румпелю (рычагу, прикреплённому к рулю).

Только около полудня попали наконец артиллеристы на заседание моряков. В отличие от прежних совещаний, сегодня Витгефт ограничился лишь конкретными указаниями о выходе эскадры, объявил диспозицию, порядок прохождения тралящего каравана и ещё раз повторил приказ о выходе наутро двадцать восьмого июля.

– Прошу вас, господа, помнить, что мы выполняем волю его величества, поэтому наши мнения должны остаться при нас. Я буду руководить эскадрой, сообразуясь с обстановкой. Повреждённых в бою судов эскадра поджидать не будет. В этом случае командиры должны действовать по способности, памятуя общую директиву – идти во Владивосток, – закончил свою речь адмирал.

Крейсер «Адмирал Нахимов» в Восточном бассейне

– Пронеси, Господи, через мины у Артура, а там мы сумеем драться с японцами, – ответил ему начальник штаба эскадры Матусевич. – Мины – вот главная наша опасность.

– А прорыв в иностранные порты допустим? – вдруг спросил Ливен.

– Он будет рассматриваться как бегство с поля сражения, – ответил Витгефт.

– Не согласен с этим, – возразил командующий отрядом крейсеров адмирал Рейценштейн. – В Артуре невозможно больше исправлять повреждённые суда вследствие обстрела порта с сухопутного фронта. Следовательно, корабли, не могущие добраться до Владивостока, должны пытаться пробиться хотя бы в нейтральные порты или, быть может, даже идти прямо навстречу Балтийской эскадре⁴.

– Да она ещё не вышла из Кронштадта, – усмехнулся Витгефт. – Едва ли Артур продержится до её прихода сюда. Только это соображение и заставляет нас выйти в море на явный разгром. Авось потопим несколько кораблей Того и хотя этим поможем нашей второй эскадре.

– О нейтральных портах, идя во Владивосток, думать не следует, а то, наверное, все в них окажемся и до места назначения не доберётся никто, – возразил командир броненосца «Севастополь» капитан первого ранга Эссен.

– Вильгельм Карлович, а нельзя ли будет взять с собой из Артура семьи некоторых офицеров? – вдруг спросил младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский.

⁴ «...идти прямо навстречу Балтийской эскадре» – Вторая Тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского, которая должна была соединиться с Тихоокеанской эскадрой, находившейся в Порт-Артуре, для совместных действий против японского флота, вышла из Кронштадта лишь 20 сентября 1904 года, шла вокруг мыса Доброй Надежды, в Японском море была уже после падения Порт-Артура, в мае 1905 года потерпела поражение в Цусимском сражении.

– Я думаю, что можно будет допустить пребывание женщин на «Монголии»⁵, которая пойдёт с эскадрой, – поддержал Матусевич. – Всё равно вчера и сегодня из города и особенно порта туда перебрались многие семьи.

– Пожалуй, на «Монголии» соберётся столько всяких пассажиров, что и раненым не останется места, – заметил Витгефт.

– Дело старшего врача лазарета урегулировать этот вопрос, – отозвался Матусевич.

На этом совещание моряков и окончилось.

– Василий Фёдорович, – обернулся наконец Витгефт к Белому, разговаривавшему с флагманским артиллеристом лейтенантом Кетлинским. – Я прошу вас прибыть к нам, чтобы обсудить вопрос, как нам бороться с этой паршивой батареейкой двадцатимиллиметровых пушек, которая нас обстреливает уже несколько дней.

– Я тоже хотел переговорить с вами по этому поводу. Сейчас с вашим флаг-офицером мы договорились о связи кораблей с нашими наблюдательными пунктами и завтра попробуем сбить батарею перекидным огнём с броненосцев.

Оба превосходительства оживлённо заговорили. Звонарёв, ожидая распоряжений, почтительно стоял в стороне.

– Вы это что, молодой человек, вместо службы в строю на Электрическом Утёсе перешли в адъютанты? – подошёл к нему Эссен.

– Я всё время вёл работы по постройке укреплений на сухопутном фронте, но на днях мне обещано возвращение на Утёс, – ответил Звонарёв. – Вы надеетесь на успех при выходе эскадры, Николай Оттович?

– Тот не солдат, кто не имеет маршальского жезла в ранце! Но, откровенно говоря, боюсь не столько японцев, сколько нашего адмирала. Вдруг опять при виде японцев сдрейфит и побежит в Артур, как это было десятого июня? Да и большинство наших командиров против выхода. Следовательно, они будут всё время оглядываться на Артур и при первом предлоге повернут назад.

– В таком случае необходимо сменить ненадёжных командиров.

– Всех не сменишь. Беда наша в том, что у самого адмирала настроение подавленное и полная неуверенность в себе.

Артиллеристы стали прощаться.

– До свидания во Владивостоке. Желаю вам, господа, полного успеха, – говорил Белый, пожимая руки морякам.

– А вам желаю успешно выдержать осаду и поскорее освободиться от блокады, – отвечал за всех Витгефт.

Генерал облобызался с ним и, растроганный, сел на катер.

Между тем бомбардировка прекратилась. Солнечный, ясный день приветливо встретил вышедших из полутёмных помещений броненосца артиллеристов. Катер быстро доставил их на пристань.

На следующий день бомбардировка возобновилась с новой силой. С раннего утра посыпались снаряды в Западный бассейн, где стояли все броненосцы. Один снаряд угодил в борт «Ретвизана» и нанёс ему подводную пробоину почти в полквadratной сажени. Броненосец через неё принял пятьсот тонн воды и осел на один фут в воду. Одним из следующих снарядов

⁵ «Монголия» – пароход-экспресс, совершавший рейсы в японские порты, оборудованный в войну под плавучий лазарет на сто шестьдесят мест, с операционным и рентгеновским кабинетами. Предназначалась, как было сказано в инструкции, «подавать помощь непосредственно после сражения; во время же оно спасать погибающих людей и принимать доставляемых с судов раненых и больных для сдачи их на берег». Выходила в море один раз – 28 июля 1904 года, в бою не могла подходить к месту боя, не оправдала своего назначения и остальное время простояла на внутреннем рейде, работая как плавучий госпиталь.

был легко ранен в руку командир броненосца Шенснович и двадцать человек матросов. Это происходило на виду эскадры и произвело на всех удручающее впечатление.

Напрасно все шесть броненосцев громили перекидным огнём районы возможного расположения японских батарей, сотрясая до основания хрупкие домики в Старом и Новом городе. Бомбардировка неуклонно продолжалась. Стала очевидной невозможность дальнейшего пребывания эскадры в Артуре.

Как только прекратился обстрел, со всех пристаней двинулись к кораблям многочисленные шлюпки и катера. На некоторых из них восседали в ярких летних платьях лейтенантши, капитанши и представительницы артурского полусвета.

Плавучий лазарет «Монголию» целый день осаждали десятки катеров и шлюпок с многочисленными пассажирками, предлагавшими свои услуги в качестве сестёр и санитарок. И хотя все штаты давным-давно были заполнены, всё же пришлось принять счастливиц, имевших превосходительных покровителей. Так как разместить их в помещениях команды и медицинского персонала было невозможно, то им отвели одну из кают, предназначенную для раненых.

– Не успеем мы выйти из Артура, а нам уже некуда будет принимать подобранных в бою, – возмущался главный врач лазарета Петров⁶.

Известие об уходе на следующее утро эскадры ещё днём облетело город. Все торопились на набережную, в последний раз полюбоваться стоящими на рейде судами. Остающиеся в Артуре морские офицеры – молодёжь с завистью, а старшие с сожалением – глядели на тёмные силуэты кораблей.

– Кто из них будет ещё плавать завтра в это время? – вздыхал пожилой капитан.

– Можно ручаться, что не все, – ответил ему собеседник.

– Не верю, чтобы наши самотопы рискнули вступить в бой с японцами, – басил тучный стрелковый капитан. – Как увидят Того, так и побегут куда глаза глядят.

– На месте Стесселя я бы предупредил моряков, что обратно в Артур им ходу нет, – вторил ему толстый полковник Савицкий.

– Без флота мы Артура долго не удержим, – задумчиво проговорил командир полевой батареи подполковник Петров.

Такие разговоры велись и на улицах, и в ресторанах, и на батареях. Моряки предпочитали отмалчиваться, чтобы не раздражать возмущённых полным бездействием флота сухопутных офицеров.

В морском собрании в этот вечер остающиеся в Артуре морские офицеры чествовали своих уходящих товарищей. Рекой лилось шампанское, произносились горячие тосты, пыльные клятвы умереть, но не посрамить Андреевского флага.

Накануне выхода эскадры Звонарёв с Борейко и учительницами Пушкинской школы решили нанести прощальный визит в домик Ривы. Уже затемно они добрались до Нового города и застали Риву за последними приготовлениями. Всё ценное было уложено, но обстановка квартиры оставалась целиком. Рива в форме сестры милосердия радостно встретила гостей.

– Я так рада, что уезжаю из Артура, а то за последние дни несколько снарядов разорвалось совсем близко от нашей квартиры. Боюсь только, чтобы в море не потопили минами «Монголию», – вздыхала она.

– Будем надеяться, что всё будет благополучно. Это нам здесь предстоит пережить тяжкие дни осады, – ответила Оля.

– Как вы поступите с квартирой? – справился Борейко.

⁶ «...главный врач лазарета Петров» – очевидно, в тексте неточность: главным врачом госпитального судна «Монголия» был Р. Р. Кинаст. Доктор Петров был врачом 36-го Восточносибирского полка.

– Оставлю на Куинсан. Быть может, Серёжа временно поселится здесь? Вы часто бываете в этом районе. Куинсан приготовит вам обед, постирает бельё, одним словом, сделает всё, что нужно такому заядлому холостяку, как вы, – лукаво улыбнулась Рива.

– В Артиллерийском городке найдутся особы, готовые всегда о нём позаботиться, – хитро поглядел на друга Бореико.

Звонарёв покраснел, но не стал возражать. Подали чай, разговор не клеился, все были взволнованы предстоящей разлукой и больше молчали.

– Пора двигаться, – поднялся Акинфиев. – Я довезу тебя до «Монголии».

– Надо перед дорогой посидеть и подумать о предстоящей дороге, – проговорила Лёля.

Все на минутку присели, затем стали прощаться. Девушки целовались, мужчины обменялись рукопожатиями. Гурьбой вышли на набережную, где уже ожидал катер с «Севастополя».

Стояла тихая тёплая звёздная ночь. С моря тянуло прохладой. С фортов доносилась слабая ружейная перестрелка, прерываемая отдельными пушечными выстрелами.

– Отваливай! – скомандовал лейтенант, и катер быстро растаял в темноте.

Ночь была на исходе. Гавань с её зеркальной поверхностью, тёмные громады судов, Тигровый полуостров, Золотая гора – всё безмолствовало. Вдруг что-то сверкнуло на «Цесаревиче». Трепетно замерцали фосфорические огоньки на мачте, и тотчас же огоньки появились на всех остальных судах. Вспыхнут – потухнут и опять вспыхнут. Вслед за этим сразу ожили безмолвные тёмные громады броненосцев и крейсеров. Над тихим артурским рейдом раздалась резкие свистки боцманских дудок, шум голосов и громкие выкрики команды. Послышался топот многочисленных ног по палубам, засветились огнями иллюминаторы. Вскоре с кораблей раздался стройный тысячный хор матросов, певших утренние молитвы. На «Цесаревиче» оркестр заиграл гимн. Его подхватили на других кораблях. У Адмиральской пристани в порту выстроенный на набережной батальон Квантунского флотского экипажа с оркестром вторил эскадре. Толпа, успевшая собраться на берегу, обнажила головы.

– Нашему славному флоту ура! – закричал кто-то в толпе, и русский победный клич покатился по набережным, перекинулся в порт, где его подхватили выбежавшие из мастерских рабочие и матросы флотского экипажа. Прошло с четверть часа, пока наконец эти клики стихли.

– Дал бы только им Бог добраться до Владивостока! – слышались отдельные возгласы в толпе.

Небо на востоке постепенно светлело. Лучи крепостных прожекторов бледнели и гасли один за другим. Наступило тихое ясное утро, с гор подул прохладный норд-ост.

На мачте сигнальной станции, расположенной на Золотой горе, у выхода на внешний рейд, поднялось несколько флагов. Тотчас два портовых катера направились к преграждавшим проход в гавань бонам и начали их разводить. Вслед за ними двинулся лёгкий крейсер «Новик».

Неторопливо проплыл тралящий караван – четыре землечерпалки-грязнухи и два небольших парохода. Усиленно дымя, они построились попарно и, заведя тралы, двинулись вдоль берега на юг, к бухте Белого Волка, где и остановились. За ними начали выходить на внешний рейд вперемежку крейсера, канонерки, миноносцы. Ровно в шесть часов утра появился из-за угла Адмиральской пристани мощный изящный корпус флагманского броненосца «Цесаревич», с чуть трепещущим на фок-стеннге⁷ адмиральским флагом. Минут через пять, пробравшись через проход и минные заграждения, он отдал якорь на внешнем рейде, залитом ослепительным светом взошедшего солнца.

Зелёно-голубая гладь горизонта была ещё подёрнута утренним туманом, сквозь который чуть проступали силуэты сторожевых японских судов. Они пытались подойти поближе к Артуру, чтобы лучше рассмотреть манёвры русской эскадры, но тотчас «Новик», густо

⁷ **Фок-стеннга** – бревно, продолжавшее мачту в высоту на фок-мачте (передней мачте судна).

задымив из всех своих труб, стремительно ринулся вперёд, неся на носу огромный белый бурун. Стайка миноносцев наперегонки с ним тоже кинулась в сторону неприятеля. Раздалось несколько глухих выстрелов. На горизонте взметнулись столбы воды, и японцы поспешили скрыться в море. Сделав своё дело, «Новик» с миноносцами двинулся к эскадре. Дальнейший выход эскадры задержал «Ретвизан», спешно кончавший заделку пробоины, полученной накануне.

Нетерпеливый командир «Севастополя» Эссен двинулся было к выходу из гавани, но тотчас же был остановлен сигналом командующего флотом.

Едва «Ретвизан» двинулся с места, как замешкался «Пересвет». Не понимая, в чём дело, Эссен по семафору справился у командира броненосца Бойсмана о причине задержки и, узнав, что виноват Ухтомский, посоветовал ему освободиться от адмирала.

– Сразу у вас, Василий Арсеньевич, ход прибавится на два-три узла, – рекомендовал он Бойсману.

– Мне штабные крысы совсем дышать не дают. Лучше миноносцем командовать, чем плавать вместе с таким контр-адмиралом, как Ухтомский, – жаловался в ответ Бойсман.

Вмешательство Эссена всё же возымело своё действие. «Пересвет» двинулся в проход. За ним следом пошёл и «Севастополь».

Только в половине девятого утра, через три с половиной часа после выхода «Новика», эскадра сосредоточилась на внешнем рейде.

– Боевая эскадра, а, идя на прорыв, ползёт, как черепаха, – возмущался Эссен. – Да за это время суда от Владивостока можно подтянуть к Артуру.

– Тем не менее адмирал Того что-то запаздывает, – заметил Акинфиев, находившийся в распоряжении командира.

– Ждёт нас в открытом море, подальше от крепостных батарей, – ответил старший офицер капитан второго ранга Бахметьев.

Было девять часов утра. Изрядно парило. На море стояло море тумана, сквозь которое опять замаячили японские суда. Эскадра всё ещё стояла на внешнем рейде, вытянувшись в кильватерную колонну вдоль берега от Золотой горы до Ляотешаня.

– Пора бы и трогаться, – нетерпеливо заметил Акинфиев. – Кажется, все в сборе.

С «Цесаревича» засигналили.

– «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток», – доложил Эссену вахтенный офицер, разбиравший сигнал.

Вскоре корабли стали сниматься с якоря и двинулись за тралящим караваном курсом на юго-запад. Вслед за эскадрой должен был идти плавучий лазарет «Монголия» – пассажирский пароход водоизмещением около пяти тысяч тонн. Он был специально переоборудован для приёма и лечения раненых. Довольно быстроходная «Монголия» могла развивать ход до семнадцати узлов, не уступая в скорости крейсерам «Диана» и «Паллада». Окрашенная в белый цвет, с ясно видимыми красными крестами на бортах и флагах, она издали бросалась в глаза и резко отличалась от тёмно-серых боевых судов эскадры.

Командовал ею капитан Охотский⁸, опытный моряк, хорошо знавший дальневосточные воды. Кроме моряков, на «Монголии» находились ещё пять врачей и тридцать человек медицинского персонала Красного Креста. За день до выхода было принято на корабль также около двадцати жён и детей из семей морских офицеров. Таким образом, пароход имел уже довольно

⁸ **Охотский** – Костюрин-Охотский Измаил Дмитриевич – капитан госпитального судна «Монголия». Как писал А. Н. Степанову 26 апреля 1941 года С. Р. Миротворцев, бывший в 1904 году младшим врачом-хирургом на «Монголии», Костюрин-Охотский был очень храбрый, «спокойный, уравновешенный человек, и выставление его трусом не соответствует действительности». Здесь А. Н. Степанов следует недостоверным воспоминаниям Ножкина и Фейгельсона, писавших о том, что Охотский прятался от японцев.

большое население, что сократило число имеющих на корабле лазаретных коек до полутора.

Задержавшись с приёмом медикаментов, «Монголия» опоздала к выходу эскадры и догнала её уже на внешнем рейде во время движения.

Среди медицинского персонала парохода находилась и Рива Блюм. Недавно окончившая ускоренные курсы сестёр, она ещё не вполне освоилась с работой и с виноватой улыбкой обращалась за помощью к другим сёстрам.

Как только пароход вышел в море, всё население плавучего лазарета высыпало на палубу. Вместе со всеми поднялась наверх и Рива.

– Не хотите ли полюбоваться эскадрой с капитанского мостика? Там всё видно гораздо лучше, чем здесь, – предложил Риве провизор госпиталя Фейгельсон.

– Но нас туда не пустят, – усомнилась она.

– Разве есть на земле такое место, куда не пустили бы Фейгельсона? Капитан Охотский мой друг.

При появлении Ривы на мостике Охотский расшаркался перед ней и предложил ей морской бинокль.

На фоне тёмно-голубого неба была чётко видна эскадра, вытянувшаяся в длинную кильватерную колонну. Впереди шли три пары тральщиков, за ними «Новик», а затем, густо дымя, двигались броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь» и «Полтава». Немного оттянувшись, шёл отряд крейсеров: «Аскольд», «Паллада», «Диана». Миноносцы прикрывали эскадру с флангов, держась на обоих траверзах адмирала. Замыкали шествие четыре канонерки: «Бобр», «Гиляк», «Отважный», «Горящий». «Монголия» пристроилась в кильватер миноносцам, идущим с западной стороны эскадры.

– Эх, нет нашего «Баяна»! – сокрушался Охотский. – Он один стоит больше, чем «Даша» и «Палаша», вместе взятые, – ткнул он биноклем на «Диану» и «Палладу». – Ход эскадры уж очень мал – всего шесть узлов. Так до Владивостока и в неделю не доберёмся.

– Слева по корме появились дымки, – доложил вахтенный сигнальщик флотского экипажа.

– Вот Того! Ведёт всю свою эскадру. Раз, два, три... – начал Охотский считать дымки приближающихся судов, но скоро сбился.

– На левом крамболе ещё дымки, – опять показал сигнальщик, – и на правом траверзе – тоже.

– Никак японцы начинают окружать нашу эскадру? – забеспокоился Охотский. – По приказу мы должны держаться против четвёртого от головы мателота⁹ с противоположной противнику стороны, вне досягаемости артиллерийского огня. Но сейчас противник появился со всех сторон. Где же мы должны находиться?

В это время на «Цесаревиче» подняли новый сигнал: «Иметь ход десять узлов, соблюдать расстояние».

Эскадра постепенно начала прибавлять ход. Но не прошло и четверти часа, как «Цесаревич» круто бросился в сторону и застопорил машину. На мачте взвился сигнал: «Не могу управляться».

– Полонка! Не могли перед походом отремонтироваться как следует, – сердито пробурчал капитан.

Вся эскадра уменьшила ход. Остановился и плавучий лазарет.

Взоры всех с тревогой были обращены на адмиральский корабль. Воспользовавшись задержкой русской эскадры, японцы быстро приближались.

⁹ Мателот – соседний в строю корабль.

Сигналом с «Цесаревича» был отпущен под охраной канонерок и миноносцев второго отряда шедший впереди тралящий караван. Вскоре «Цесаревич» прибавил ход. За ним последовали и остальные.

Все корабли усиленно дымили, и над эскадрой стояло сплошное чёрное облако, сквозь которое с трудом пробивалось солнце. На горизонте всё яснее выступала подходи́вшая со всех сторон японская эскадра.

– Жаркий сегодня будет день, – говорил Охотский, – бой предстоит весьма сильный. Японцев вдвое или втрое больше наших.

Поравнявшись с «Отважным», Охотский в мегафон спросил у Лощинского указания, где ему находиться.

– Вернёмся в Артур! – вместо ответа предложил Лощинский.

Мостик маленькой канонерки оказался внизу «Монголии». Бронзово-красный Лощинский, сняв фуражку, вытирал свою лысую голову и, по обыкновению, добродушно улыбался.

Охотский призадумался и не сразу ответил на сделанное предложение. Несколько минут «Монголия» и «Отважный» шли рядом малым ходом по направлению к Артуру.

– С «Цесаревича» передают: «Монголии» следовать в кильватер колонны миноносцев», – доложил сигнальщик.

– Вот и ответ на мои сомнения! – обрадовался капитан. – Счастливо оставаться в Артуре, ваше превосходительство! – прокричал он на «Отважный».

– Желаю успеха! – ответил уже издали Лощинский, и суда разошлись.

«Монголия» полным ходом устремилась на указанное ей флагманом место в хвосте отряда миноносцев.

Теперь стала видна вся эскадра. Впереди шёл «Цесаревич», непрерывно подавая эскадре различные сигналы. На судах их тотчас же повторяли. Слева, напересечку курсу русской эскадры, выдвигались японские суда.

– «Микаса», «Асахи», «Фуджи», «Шикишима», – перечислял сигнальщик.

– Откуда ты их знаешь? – спросил его Охотский.

– На «Петропавловске» при адмирале Макарове был старшим сигнальщиком. Там нас постоянно лепертили на японские корабли. Покажут вырезанное из картона судно, а мы должны узнавать, какой это корабль – наш или японский, – пояснил сигнальщик.

В это время зазвучал гонг, призывающий к завтраку.

– В кают-компаниях уже заняты все места, и некоторых даже некуда посадить, – сообщил, подымаясь на мостик, первый помощник капитана. – Война войной, а еда едой!

Русская эскадра в кильватерной колонне шла курсом на юго-восток, имея тринадцать узлов хода. В голове шли два новейшей заграничной постройки броненосца – «Цесаревич» и «Ретвизан», по своим боевым качествам не уступавшие любому из японских кораблей. Следовавшие за ними броненосцы «Победа» и «Пересвет» больше подходили к типу броненосных крейсеров, чем броненосцев, имея сравнительно слабую десятидюймовую артиллерию и недостаточное броневое прикрытие. Но для крейсеров ход их был слишком мал. Наконец, два концевых корабля – «Севастополь» и «Полтава» – являлись устаревшими тихоходными судами, только задерживающими остальную эскадру. Эта разнотипность судов сразу дала себя знать. Без «Севастополя» и «Полтавы» ход русских судов мало чем отличался от японских, достигая шестнадцати-семнадцати узлов. С ними же трудно было бы идти даже по тринадцати узлов.

Ещё перед выходом из Артура вносилось предложение идти на прорыв только с четырьмя быстроходными броненосцами, направив «Севастополь» и «Полтаву» вместе с канонерками для демонстрации к Дальнему, что привело бы к разделению японской эскадры и облегчило выполнение задачи для основной группы судов. Но Витгефт на это не согласился. Теперь было видно, насколько тормозили ход эскадры тихоходные броненосцы. Растянувшись чуть не на

двадцать кабельтовых, эскадра фактически шла в двух группах. Впереди четыре головных броненосца, за ними, сильно отставая, тянулись «Севастополь» и «Полтава».

Идущие сзади четыре быстроходных крейсера должны были следовать малым ходом и временами вовсе стопорить, чтобы не налететь на концевые броненосцы. Миноносцы двигались отдельной кильватерной колонной в стороне от главных сил.

Главные силы японцев состояли из четырёх современных броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа. Все суда были более или менее однотипны и обладали эскадренным ходом в семнадцать узлов. Кроме того, к месту боя были подтянуты все остальные боевые отряды флота, но они находились вне сферы действия артиллерийского огня и только наблюдали за боем.

Сблизившись с русской эскадрой на восемьдесят кабельтовых, японцы открыли огонь из крупных орудий. Некоторое время эскадры шли почти параллельным курсом, ведя редкую перестрелку. Когда расстояние между эскадрами ещё уменьшилось, флагманский корабль японцев пристрелялся по «Цесаревичу» и сигналом сообщил дистанцию остальным судам. Японские корабли открыли огонь по русским сразу на поражение. Началась сильнейшая артиллерийская канонада. Японцы и русские довели свой огонь до предела.

Нервно настроенные пассажиры «Монголии», как только грохот стрельбы усилился, бросив завтрак, устремились на палубу. Напрасно пытался Охотский задержать их внутри. Матросов, преградивших путь на палубу, оттеснили. Все с тревогой стали следить за перипетиями морского боя. Рива опять устроилась на капитанском мостике. Прежде всего она взглянула на «Севастополь».

Броненосец был весь окутан дымом и вёл стрельбу своим правым бортом. На нём то и дело сквозь дым мелькали огненные языки. Корабль казался пустым. Наверху не было видно ни одного человека, только на мачте мелькали различные сигналы.

Во главе, окружённый разрывами снарядов, шёл «Цесаревич». На нём беспрерывно появлялись огромные чёрные султаны от рвавшихся снарядов. В бинокль было видно, как на корме начался пожар. Огненные языки высоко вздымались вверх.

– Боже, какой ужас! «Цесаревич» горит! – воскликнула Рива, показывая на адмиральский корабль.

– Здорово нашим попадает! Смотрите, и на «Пересвете» начался пожар. На «Ретвизане» сбита половина мачты, – испуганно говорил Охотский.

– У японцев что-то незаметно таких разрушений. Даже на головном корабле видны лишь лёгкие дымки, не то от пожара, не то от разрыва наших снарядов...

Капитан с тревогой смотрел на всё приближавшуюся неприятельскую эскадру.

– Совсем близко от нас падают снаряды, – озирался он боязливо на всплески воды.

В это время идущие впереди миноносцы по сигналу адмирала отошли ещё дальше от линии броненосцев. «Монголия» отстала от эскадры. Японцы круто повернули «под хвост» русской эскадре и, недостижимые для пушек броненосцев, всей силой огня обрушились на концевые крейсера. Море вокруг них закипело от снарядов. Крейсера, в свою очередь, яростно отстреливались, окутавшись густыми облаками чёрного дыма. Беспрерывный гул выстрелов и взрывов, гигантские взлёты воды создавали захватывающую дух картину стихийной мощи разрушения. Забыв в эту минуту обо всём, Рива не спускала глаз с крейсеров.

Но вот на переднем из них – «Аскольде» – взвились на мгновение разноцветные флажки, и четыре концевых корабля, круто повернув в сторону, полным ходом вышли из-под обстрела.

«Аскольд», густо дымя из своих пяти труб, летел впереди, а за ним поспевали «Новик», «Паллада» и «Диана».

– Молодцы, ловко выскочили! – восхищённо воскликнул Охотский.

Рива облегчённо вздохнула и перевела бинокль на броненосцы. Они уже прекратили огонь. Пожар на «Цесаревиче» был почти потушен. На «Пересвете» тоже не было видно огня.

На всех кораблях стали появляться люди. Матросы суеились на палубе, наскоро исправляя полученные в бою повреждения, но крупных разрушений не было видно ни на одном из броненосцев.

– Пока, слава Богу, наши корабли не сильно пострадали, – заметила Рива.

– Мы не видим бортов, обращённых к японцам. Там должно быть больше разрушений, – ответил капитан. – Но самое главное то, что мы прорвались через вражескую эскадру. Она осталась позади! – радовался капитан.

– Она может ещё вернуться и догнать нас.

– Это не так просто. Мы ведь тоже не будем стоять на месте, – возразил Охотский. – Видите, как «Цесаревич» прибавил ходу? Наши старички «Севастополь» и «Полтава» едва поспевают за ним.

Японцы, продолжавшие идти прежним курсом, остались далеко позади. Можно было надеяться, что русской эскадре с наступлением темноты удастся укрыться и прорваться на север. На всех кораблях усиленно засемафорили. Сигнальщик, наблюдая в бинокль, сообщил окружающим их значение.

– На «Ретвизане» убитых нет, раненых десять, повреждения малы; на «Победе» трое убито, раненых двадцать, повреждений нет. «Пересвет» – нет ни раненых, ни убитых, ни повреждений.

– Здорово! – удовлетворённо заметил Охотский.

– «Севастополь» – потеря и повреждений нет. «Полтава» – большая пробоина в корме. Принято около трёхсот тонн воды. Пятнадцать убитых, двадцать раненых.

– Вот странно, а от нас казалось, что на «Полтаве» всё благополучно!

– «Аскольд» – сбита передняя труба, две пробоины. Убито: один офицер и десять матросов, ранено восемь матросов. На «Палладе» и «Диане» всё в порядке, – сообщил сигнальщик.

– Раненых сейчас будут доставлять к нам? – спросил поднявшийся на мостик главный врач лазарета Петров.

– Едва ли! Это займёт много времени, а нам надо удирать во все лопатки от японцев. Видите, они опять повернули за нами. Сейчас начнётся настоящая погоня, – показал биноклем назад капитан. – Вот если какой-либо корабль потонет, тогда мы подойдём к месту катастрофы и будем спасать тонущих из воды.

– Даст Бог, этого не случится! – с чувством проговорила Рива и ещё раз посмотрела в бинокль на «Севастополь», который мирно шёл в общем строю. Она радостно улыбнулась сама себе: её Андрюша был цел и невредим.

Вскоре на кораблях пробили отбой, и с «Цесаревича» просигналили: «Команде пить чай».

– Теперь и нам можно идти кончать прерванный боем обед, – проговорил Охотский.

На палубе стоял оживлённый говор, смех, шутки. Настроение у всех после благополучно избегнутой опасности было повышенное.

– Кажется, нам сегодня посчастливилось, – улыбался главный врач. – Прорвались через японскую эскадру и теперь можем двигаться во Владивосток.

– Рано ещё радоваться, – охладил его восторг капитан. – Того может вернуться, так как имеет большое преимущество в ходе.

– Пока он догонит, наша эскадра сумеет починить повреждения и снова соберётся с силами.

Пассажиры обменивались впечатлениями. Каждая говорила об интересующем её корабле, где находились либо муж, либо брат, либо возлюбленный.

– Капитан, миленький, узнайте фамилии убитых и раненых офицеров, – обращались они к Охотскому.

– Это не так просто, сударыня. Мы ведь не знаем, какие потери на кораблях.

– Сигнальщик же говорил вам, и мы слышали, что на «Аскольде» есть убитые, а на других нет.

Чтобы отвязаться от назойливых приставаний, капитан обещал справиться по семафору на названном корабле.

В кают-компании стучали ножи и стоял смутный гул общего разговора. Рива следила, чтобы больные получили всё, что им полагается.

– Сестра Блюм! – окликнул её главный врач и, отведя в сторону, шёпотом сообщил: – К нам подходит японский крейсер. Очевидно, они хотят захватить «Монголию». Побудьте здесь, чтобы не произошло паники.

Рива испуганно посмотрела на него и побледнела. Главный врач понял, что она не справится с его поручением.

– Выйдите на палубу, – сказал он. – Там вам будет лучше.

Спотыкаясь и вся дрожа от волнения, Рива поднялась на палубу. Здесь уже собрался почти весь медицинский персонал: врачи, студенты-медики и перепуганные сёстры. Ни капитана, ни его помощников не было. Все были очень взволнованы и с тревогой смотрели на быстро приближающийся японский крейсер. Уже хорошо были видны стеньговые флаги с изображением восходящего солнца. На мачте то и дело появлялись различные комбинации флагов. На мостике сигнальщик, переодетый в штатское, разбирал вместе с молоденьким вахтенным начальником значение сигналов.

– Остановиться, спустить трап, – сообщали они с мостика японские приказания.

– Что с нами будет? – взволнованно допытывались все у Петрова.

– Мы находимся под охраной Красного Креста, и, следовательно, нам ничто угрожать не может, – успокаивал главный врач.

– Вдруг они нас уведут в Японию? – спросила Рива.

– Ну что ж. Будем сперва протестовать, а затем повинемся силе и пойдём, куда нам велят.

– С какой же это стати? Мы хотим оставаться с русскими, а японцы пусть, если хотят, устроят плавучий лазарет и следуют за своей эскадрой.

Пока на палубе спорили, крейсер успел подойти к «Монголии», став в полукабельтове, бортом к ней. Все невольно залюбовались им. Стройный, чистенький, весь как выточенный из серой стали, он казался нарядной яхтой, а не военным кораблём. Но направленные в сторону русских дула палубных орудий говорили о его враждебных намерениях.

У борта крейсера тоже столпились японские матросы, внимательно разглядывая невиданный ими плавучий госпиталь, рискнувший сопровождать эскадру в бой. От крейсера отчалила шлюпка. В ней находилось несколько вооружённых матросов и офицеров. Вахтенный начальник, приказав боцману выстроить команду, подошёл к трапу для встречи японцев.

– Может быть, кто-нибудь из вас хорошо говорит по-английски? – спросил он, обернувшись к медицинскому персоналу.

– Ольга Александровна, – обратился Петров к одной из сестёр, – вам придётся взять на себя роль переводчика.

Как только шлюпка подошла к трапу, на палубу легко поднялись два японских морских офицера в сопровождении нескольких вооружённых матросов с примкнутыми к ружьям штыками-тесаками.

Подойдя к группе врачей, оба офицера вытянулись и отдали им честь, а затем старший из них на чистом русском языке произнёс:

– Мы прибыли на ваше судно, чтобы удостовериться, не находится ли на нём военных чинов или какого-либо военного снаряжения. Если мы ничего не обнаружим, то вы будете тотчас же отпущены. В случае же находки военной контрабанды пароход будет задержан как приз.

– Смею вас заверить, господин офицер, что на «Монголии», кроме имущества Красного Креста, нет ничего, – ответил Петров.

– Это надо ещё установить, – сказал японец и отдал приказание своим матросам.

Второй японский офицер направился на мостик проверять судовые книги, а матросы спустились вниз.

– Да это же парикмахер наместника, Жан! – узнала японца Рива. – Мосье Жан, вы это или не вы? – спросила она.

– Я сейчас не парикмахер Жан, а капитан-лейтенант императорского японского флота Кабаяси, – сухо ответил тот.

– Теперь и я вас узнала! И я! И я! – сразу раздалось несколько голосов.

Японец с надменной улыбкой раскланялся со своими бывшими клиентками. Затем он подошёл к выстроенным на палубе матросам и санитарам и стал проверять их по списку.

Охотский с перепугу запрятался где-то в трюме. С Кабаяси остался лишь один из его помощников. Петров со своим персоналом спустился в кают-компанию, где среди пассажиров поднялась паника. Женщины громко плакали, дети вторили им, и все в один голос молили Петрова заступиться и не допустить, чтобы их увезли в Японию. Старший врач и сёстры поспешили им сообщить о заявлении японцев.

– А вдруг они что-нибудь найдут? – тревожно спросила одна из пассажирок.

– Ничего они не могут найти, ибо у нас нет никаких грузов, не принадлежащих Красному Кресту.

– Вы, Геннадий Николаевич, забываете, что, во-первых, они сами могут подбросить что-нибудь запрещённое, а во-вторых, могут объявить незаконным пребывание пассажиров на нашем судне, – скороговоркой взволнованно произнёс Фейгельсон.

– Гагская конвенция¹⁰ не запрещает организациям Красного Креста брать под свою защиту женщин и детей, – возразил Петров.

Вскоре Кабаяси спустился в кают-компанию и потребовал список пассажиров. Его пришлось наскоро составлять.

Прошло с четверть часа в томительном ожидании. К Кабаяси начали подходить его подчинённые с докладами о результатах досмотра.

Капитан выслушивал их с невозмутимым видом и отдавал короткие распоряжения.

Все русские с нескрываемой тревогой следили за этими переговорами, стараясь по выражению лиц говоривших понять, о чём идёт речь. Вдруг взволнованно влетел в кают-компанию провизор.

– Помилуйте! – обратился он к Петрову. – Они считают даже селитру военной контрабандой, а она положена по номенклатуре аптечных лекарств, и у нас её всего пятьдесят унций.

Вслед за Фейгельсоном вошли двое японцев, неся в руках банку с злополучной селитрой. Разобравшись, в чём дело, Кабаяси заявил, что селитра будет конфискована, а «Монголия» отпущена, если это разрешит адмирал Того. Все облегчённо вздохнули.

– Мы строго соблюдаем правила Женевской¹¹ и Гагской конвенций, свидетелями чего вы сейчас были, – обратился Кабаяси к русским перед уходом.

Японская шлюпка отошла. Вынырнувший откуда-то Охотский приказал дать полный ход. Русская эскадра успела уйти за это время довольно далеко, и пароходу пришлось поспешить, чтобы поскорее догнать её.

¹⁰ **Гагская конвенция** – речь идёт о международных соглашениях, законах и обычаях ведения войны, принятых Первой Гагской конференцией 1899 года. В числе двадцати семи государств, присутствовавших на конференции, была и Япония. Решения этой конференции были затем дополнены конвенциями Второй Гагской конференции 1907 года.

¹¹ **Женевская конвенция** заключена в 1864 году (пересматривалась в 1906, 1929 и 1949 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военными, попавшими в плен, предоставление покровительства и защиты санитарным формированиям (транспортом, госпиталям и др.), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам.

Было около четырёх часов дня. Солнце уже заметно склонялось к западу. Море по-прежнему было спокойно, а горизонт ясен. Справа, с западной стороны, японцы медленно нагоняли русскую эскадру, идущую полным ходом в направлении на мыс Шантунг. На артурских кораблях не было заметно повреждений, и они шли на разных дистанциях друг от друга. Крейсера двигались параллельной колонной с левой стороны, в десяти кабельтовых от броненосцев. Ещё левее тянулись цепочкой миноносцы. К ним в кильватер пристроилась и «Монголия».

После посещения парохода японцами у всех настроение резко повысилось. Собравшись на палубе, всё население парохода обменивалось впечатлениями о только что пережитом тревожении. С «Цесаревича» запросили, всё ли благополучно на «Монголии», на что последовал положительный ответ. Было очевидно, что на флагманском корабле беспокоились за судьбу плавучего лазарета.

Как только головной корабль японской эскадры вышел на траверз броненосца «Полтава», грянул выстрел из двенадцатидюймовки. Примеру броненосца последовали остальные корабли. Японцы не замедлили ответить, и вскоре бой разгорелся по всей линии. Японские снаряды, перелетая через русские корабли, начали падать невдалеке от «Монголии». Охотский поспешил отойти ещё дальше в сторону.

С мостика были прекрасно видны обе сражающиеся стороны: ближе, в двадцати кабельтовых, – русские, а в шестидесяти-семидесяти – японцы. Обе эскадры окутаны дымом от выстрелов и взрывов, но японские снаряды при взрыве давали огромные столбы густого чёрного дыма, а русские – малозаметный зелёный дымок. Поэтому казалось, что русские броненосцы несут гораздо большие поражения, чем японцы. Особенно доставалось флагманским кораблям «Цесаревичу» и «Пересвету», которые временами совершенно скрывались в чёрном дыму.

– Наших-то как шпарят! – взволнованно проговорил Охотский. – А японцы словно заговорённые, ни одного попадания!

– Вглядитесь повнимательнее, Измаил Дмитриевич, и увидите, что и у них есть поражения. Видишь зеленоватые дымки? Это и есть попадания наших снарядов, – возразил вахтенный начальник.

Все наличные бинокли и зрительные трубы были пущены в ход. Затаив дыхание, все следили за развёртывающейся перед ними трагедией. Многие женщины начали плакать, особенно когда снаряды попадали в те корабли, на которых находились их близкие.

– Не могу, не могу! – истерично закричала вдруг одна из пассажирок при виде огромного облака дыма, окутавшего «Победу». – Там, наверно, не осталось ни одного живого человека!

Но в следующее мгновение броненосец вновь стал ясно виден, и на нём не было заметно никаких повреждений.

Разнервничавшихся дам пришлось чуть не насильно увести вниз.

Рива мужественно продолжала следить за «Севастополем». Вот на нём взвился вихрь огня и дыма, и тотчас начался пожар в носовой части. Молодая женщина закрыла от ужаса глаза.

Вслед за «Севастополем» загорелось на «Полтаве». Огненные языки высоко вздымались сквозь дым. В бинокль виднелись белые точки суестьихся на палубе людей. На «Пересвете» почти одновременно были сбиты стены на обеих мачтах. На «Ретвизане» снесло половину средней трубы.

По мере сближения эскадр стали яснее видны повреждения на японских кораблях. Стрельба их заметно ослабевала.

– Наши молодцами дерутся! – восхищался Охотский. – Неизвестно ещё, чья возьмёт.

Японские газеты так описывали этот бой:

«Получив известие о предстоящем выходе русской эскадры, адмирал Того поспешил сосредоточить на подступах к Артуру все находящиеся поблизости боевые суда своей эскадры – всего восемнадцать боевых кораблей, из них четыре броненосца, шесть броненосных крейсеров и восемь лёгких. Кроме того, была подтянута миноносная флотилия в составе пятидесяти миноносцев.

Но в генеральном сражении принимал участие лишь первый броненосный отряд, в составе четырёх броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа, под начальством самого адмирала Того. Около полудня он увидел русскую эскадру, идущую курсом на юго-восток, в десяти милях впереди себя, и, пользуясь преимуществом хода, устремился ей навстречу.

Во время первого боя в японские суда попало несколько крупных снарядов, причинивших значительные повреждения. Для исправления их адмирал Того временно вышел из боя. Русская эскадра уже почти скрылась из виду, когда наконец японцы смогли последовать за ней.

Второй бой шёл на параллельно сближающихся курсах на дистанции пятьдесят один кабельтов. Сражение велось с необычайным ожесточением. Невзирая на численное превосходство японцев в тяжёлой и особенно в средней артиллерии, русские упорно продолжали идти вперёд, нанося им весьма значительные повреждения».

Адмирал Того находился в боевой рубке головного флагманского броненосца «Микаса». Он напряжённо следил за ходом боя в подзорную трубу, временами отдавая отрывистые распоряжения. На его бледно-жёлтом, продолговатом, почти европейского типа, лице, с небольшой коротко стриженной полуседой бородкой, застыло сосредоточенное выражение. Внешне он сохранял полное спокойствие, ничем не выдавая всё сильнее нараставшую тревогу за исход сражения.

Никогда ещё русские не проявляли в бою столько выдержки и упорства, как сейчас. «Микаса» весь был окутан дымом от взрывов и возникающих на нём пожаров; из-за дыма временами русских почти не было видно. Грохот стрельбы смешивался с шумом разрывов попадавших в «Микасу» русских снарядов.

Почти все верхние надстройки были разрушены и снесены, на исковерканной палубе валялись неубранные трупы. Одно из орудий носовой башни было подбито, другое могло действовать с трудом. Кормовая двенадцатидюймовая башня тоже была выведена из строя, половина средней артиллерии левого борта не действовала. Не хватало прислуги для орудий.

Давно выбыл из строя командир броненосца капитан Хирота, были отправлены на перевязочный пункт почти все чины адмиральского штаба. В командование броненосцем вступил третий по старшинству капитан-лейтенант. От главного врача пришло донесение, что уже выбыло из строя десять офицеров и около двухсот матросов.

Адмирал вышел на мостик и оглянулся на идущие сзади корабли. Стоящий рядом юнга-горнист поспешил подать цейсовский бинокль. Вслед за адмиралом из рубки вышли флаг-офицеры и два сигнальщика. В это время русский снаряд попал в одну из дымовых труб, осколки застучали по броне рубки и палубе. Адмирал поморщился и, приказав перейти на левое крыло мостика, стал разглядывать идущие сзади свои суда.

Горел «Асахи». Сквозь дым пожара были видны наполовину снесённая грот-мачта и развороченные верхние надстройки. Тем не менее броненосец продолжал интенсивно вести огонь. За «Асахи» чуть выступал «Фуджи». По медленной стрельбе можно было судить о наличии на нём значительных разрушений. На концевом крейсере «Якумо» ещё были видны языки пожара. В это время четвёртый от мателота броненосец «Шикишима» сильно метнулся влево

и на мгновение стал отчётливо виден. Передний мостик был разрушен. Из кормовой башни сиротливо выглядывало лишь одно двенадцатидюймовое орудие, трубы были сильно помяты. Вскоре «Шикишима» опять лёг на курс и скрылся за идущими впереди кораблями.

Адмирал оторвался от трубы и взглянул в сторону русских. Склонявшееся к западу солнце хорошо освещало эскадру. Несмотря на разрушения и пожары, она продолжала двигаться прежним курсом и не снижала интенсивности своего огня.

Того в задумчивости направился обратно в рубку. Страшный взрыв поблизости сильно толкнул его в спину. Сзади раздался негромкий крик. Адмирал оглянулся. На палубе корчился в предсмертной агонии юнга-горнист, всё ещё держа в руке исковерканный горн. Один из флаг-офицеров исчез, другой, преодолевая боль, зажимал рукой раненый бок.

– Где лейтенант Коноэ? – спросил его адмирал.

– Пал смертью самурая во славу нашего обожаемого Тенно, – ответил с трудом офицер побелевшими от страдания губами.

– Идите сейчас же на перевязку, – приказал ему Того, заметив кровь.

– Позвольте только убрать это, – поднял руку офицер, и тут адмирал заметил, что на украшавшей его грудь звезде Восходящего Солнца прилип окровавленный комочек.

Того брезгливо смахнул его, с сожалением глядя на свой испачканный белоснежный китель.

В рубке он кивком головы подозвал к себе капитана второго ранга Изиду, заменившего раненого начальника штаба. Офицер тотчас подошёл и почтительно вытянулся в ожидании приказаний. Адмирал мгновение помолчал. В его голове вихрем пронёсся целый рой мыслей. Тяжёлое положение японской эскадры было очевидно. Встал вопрос о выходе из боя, но отступление обозначало провал основного плана войны – не допустить соединения артурской и владивостокской эскадр. С другой стороны, продолжение боя грозило такими повреждениями, после которых броненосный отряд может надолго выйти из строя и русские приобретут хотя бы временное превосходство на море. Правда, у острова Цусимы находится ещё эскадра броненосных крейсеров адмирала Камимурэ, а в Корейских шхерах скрывается три десятка миноносцев. Но зато к русским могут подойти на помощь владивостокские крейсера.

Осторожность всё же взяла верх.

– Поднять сигнал: «Я имею передать приказ», – обратился адмирал к Изиде.

– Готово, – через минуту доложил офицер.

– Эскадре отходить в Сасгбо, – отдельно проговорил Того.

Изида с удивлением и испугом посмотрел на своего адмирала.

– Разве ваше превосходительство считает, что русские выиграли бой? – робко спросил он.

– Да.

Офицер широко раскрыл свои чуть раскосые чёрные глаза, затем взглянул в сторону неприятельской эскадры и радостно воскликнул:

– Флагманский корабль русских вышел из строя!

– Смотрите, «Цесаревич»! – вдруг крикнула одна из пассажирок.

Броненосец неожиданно круто бросился влево и при этом так накренился, что всем казалось, будто он сейчас перевернётся.

По палубе и мостику пронёсся крик ужаса. Все ожидали немедленной гибели «Цесаревича», забыв на несколько мгновений о себе, о «Монголии», обо всём окружающем. Но «Цесаревич» так же неожиданно выпрямился и, продолжая катиться влево, казалось, готов был таранить «Севастополь» или «Пересвет». Оба эти броненосца, давая ему дорогу, свернули в сторону противника.

Японский адмирал Хэйхатиго Того

Шедший за «Цесаревичем» «Ретвизан» сначала было пошёл за флагманом, но затем быстро переложил руль и ринулся на японцев. Только «Победа» и «Полтава» остались на прежнем курсе. Строй эскадры был нарушен. Весь огонь японцев теперь сосредоточился на «Ретвизане», но, вследствие быстрого приближения его, снаряды давали перелёт. Броненосец, пылая огнями всех своих орудий, стремительно шёл на «Микасу», который, не выдержав, начал поспешно отходить. Но остальные корабли русской эскадры не последовали за «Ретвизаном».

Оказавшись ближе к японцам, чем к своим, и под ужасающим обстрелом всей эскадры противника, «Ретвизан» принуждён был повернуть назад.

Прошло ещё несколько мгновений. Русские броненосцы продолжали отстреливаться от неприятеля, но все уже лежали на разных курсах. Затем один за другим они в полном беспорядке начали поворачивать к Артуру.

На всё ещё продолжавшем описывать циркуляцию «Цесаревиче» взвилось несколько флагов. – «Адмирал передаёт командование», – расшифровал сигнальщик.

– Значит, Витгефт или убит, или тяжело ранен, – стуча зубами от волнения, проговорил Охотский.

– Когда погиб Макаров, все говорили: Бог с ним, с кораблём, лишь бы вернулся адмирал, а сегодня можно сказать: Бог с ними, с адмиралами, лишь бы корабли были целы, – утешал его главный врач Петров.

Крейсера, следуя за флагманским «Аскольдом», пошли на сближение с броненосцами, но те продолжали идти нестройной кучей, на ходу обгоняя друг друга. При этом они стреляли во все стороны, так что два или три снаряда упали около «Монголии».

– Право руля! – скомандовал Охотский, и пароход начал поворачиваться кормой к эскадре. Несколько мгновений с мостика ничего не было видно за дымом из трубы.

– Разбиты, отступают, мать их так-перетак! – заорал Охотский, неожиданно вспыхнув боевым азартом.

– Отступилась от нас Царица Небесная! – проговорил рулевой, снимая фуражку и набожно крестясь. – Много, поди, сегодня матросиков отправилось в царство небесное.

– Замолчи, дурак! И без тебя тошно! – оборвал его вахтенный начальник. – Все корабли на плаву, они оправятся и снова вступят в бой.

Но броненосцы продолжали, отстреливаясь, нестройной толпой отходить по направлению к Артуру. Японцы не преследовали их, ограничиваясь лишь огнём с дальней дистанции. В это время крейсера подошли к идущему впереди всех «Ретвизану». На «Аскольде» подняли какой-то сигнал, и, густо задымив из всех труб, крейсер на всех парах ринулся на видневшийся поодаль японский отряд. За ним последовал «Новик». Оба они быстро исчезли в уже темнеющем на востоке море. Некоторое время издали доносилась усиленная канонада, а затем всё стихло.

Огромное, по-вечернему красное солнце коснулось горизонта. Последние лучи его освещали красноватым светом мерно колышущиеся волны, на фоне которых чётко вырисовывались силуэты русских кораблей. «Ретвизан», сильно зарываясь на ходу носом, со снесённой наполовину передней трубой, уходил всё дальше вперёд. За ним шла, оседающая на корму, «Полтава». Несколько поодаль двигались «Цесаревич», на котором была снесена часть верхних надстроек, и «Севастополь» с нелепо задранной вверх двенадцатидюймовой пушкой в носовой башне и развороченной передней трубой. В стороне виднелись «Пересвет» со сбитыми верхушками мачт и разрушенными кормовыми надстройками и «Победа», у которой были разворочены две передние трубы и зияла надводная пробоина с левого борта. Только «Диана» и «Паллада» не имели никаких повреждений.

Рива с отчаянием смотрела на эти избитые, искалеченные корабли.

– Теперь, надо думать, наша эскадра уже окончательно вернётся в Артур, – угрюмо проговорил Охотский.

– Полноте! Быть может, с темнотой мы опять ляжем на прежний курс, – отозвался поднявшийся на мостик Петров.

– Если повреждения незначительны, то нечего и возвращаться в Артур, а если они велики, то где же их там исправлять, да ещё при бомбардировке с суши?

– Запасутся углём, водой, продовольствием, починятся и опять попытают счастья в бою.

– Запасов в Артуре нет. Крепость отберёт и то, что имеется сейчас. Просто перепишут моряков в пехоту, пушки передадут на форты, – угрюмо бубнил Охотский.

– Неизвестно, сколько кораблей ещё доберётся до дому. Японские миноносцы так и лезут со всех сторон, – мрачно присоединился вахтенный начальник, – как бы и нам в этой драке не попало. Это шествие кораблей напоминает мне погребальную процессию, – заметил вахтенный начальник.

– Почему погребальную процессию? – спросила Рива. – Вы считаете, что на эскадре много убитых? – и слёзы брызнули из её глаз, напряжённые нервы сдали.

– Пойдёмте вниз! – взял её под руку капитан.

Рива бросила последний взгляд на исчезающее за горизонтом солнце. Закат был ярко-красный, и казалось, будто море окрасилось кровью.

Ночь выдалась безлунная, но не очень тёмная. По небу стлались лёгкие, полупрозрачные облака, сквозь ровную пелену которых звёзды светились мягким, рассеянным светом. С юга шла зыбь. «Монголию» порядочно качало.

В кают-компании позванивала посуда. Кое-что начал укачиваться и поспешил лечь.

Плавучий лазарет продолжал идти параллельным курсом с броненосцами, держась в нескольких кабельтовых от них. С наступлением темноты были зажжены все огни. Все иллюминаторы были открыты и освещены.

Этими мерами Охотский хотел предохранить пароход от случайных нападений японских миноносцев, которые, пользуясь темнотой, ринулись в атаку на отступающие русские суда. Но, двигаясь параллельным курсом с эскадрой, он тем самым указывал противнику её местонахождение, поэтому с «Пересвета» сигналом приказали или отойти и лечь на другой курс, или, потушив огни, подойти под охрану эскадры. Капитан «Монголии» предпочёл находиться подальше от места схватки и вышел за пределы досягаемости артиллерийских снарядов. Увеличив ход, он стал обгонять медленнодвигающуюся русскую эскадру.

Заметив это, пассажиры начали умолять капитана не уходить от броненосцев.

– Если же мы будем одни, то японцы, наверное, захватят нас и отведут к себе. Никто об этом и не узнает.

Охотский заколебался. Но в это время мимо парохода в сторону русской эскадры проскользнули лёгкими тенями японские миноносцы, и почти тотчас же в темноте заблистали выстрелы броненосцев и неподалёку в море упало несколько снарядов.

– Право руля! – испуганно скомандовал капитан, и «Монголия» на всех парах стала удаляться от эскадры.

Рива поднялась на палубу. Ночной ветерок приятно освежал лицо. Звёзды мерцали над головой. Волны мерно покачивали быстро идущий пароход, изредка обдавая палубу мелкими солёными брызгами. Висящие на стрелках спасательные шлюпки тихо поскрипывали в такт качке. Из открытого люка доносилось ровное дыхание машины.

На палубе было пусто. Рива отошла к корме и, облокотившись на планширь¹², напряжённо глядела в сторону русской эскадры. Канонада то затихала, то разгоралась с бешеной силой. Ни на одном из кораблей не светились прожекторы. Броненосцы скрывались во тьме, желая избежать минных атак.

«Как, однако, растянулась наша эскадра!» – подумала Рива.

В это время совсем по носу «Монголии» неожиданно выплыл силуэт большого военного корабля – пароход едва смог избежать столкновения с ним. Тотчас мимо борта проплыл, освещённый огнями с «Монголии», японский лёгкий крейсер. С него что-то кричали по-английски в мегафон, закончив своё обращение русской бранью.

Рива как зачарованная смотрела на серо-вороной корабль с чуть поблёскивающими в темноте длинными тонкими пушками, из которых, быть может, сегодня были убиты её друзья и знакомые на русских судах. И она содрогнулась при мысли, что в числе погибших может быть и её Андрюша.

– Куда мы держим путь? – спросила она у подошедшего к ней Фейгельсона.

– Боюсь, что в преисподнюю! То нас обстреливали, сейчас чуть не протаранили, а впереди ещё минные поля у Артура.

– Так мы возвращаемся домой? Но почему же тогда мы не идём параллельно эскадре?

– Чтобы японские миноносцы, упаси Бог, не приняли нас за военный корабль и не отправили прямо на дно.

– Когда же мы попадём в Артур?

– Надо думать, что наш капитан не решится в темноте проходить минные заграждения, и мы будем на месте не раньше утра.

– Только бы наша эскадра добралась туда благополучно. Если какой-нибудь из кораблей потонет, то мы даже не сможем спасти раненых и тонущих.

– Сейчас надо думать о своём спасении, а не о помощи другим.

¹² Планширь – деревянный продольный брус, образующий верхнюю кромку борта верхней палубы.

– Зачем же тогда «Монголии» было выходить в море?

– Про то знает начальство, а я всегда предпочитал морской стихии твёрдую землю.

Появившийся наверху Петров в бинокль осмотрел горизонт и, недовольно пробурчав:

– Куда это нас несёт нелёгкая? – поднялся на мостик.

После короткого разговора с капитаном о назначении «Монголии» как плавучего лазарета Красного Креста Петров приказал собрать на спардеке¹³ весь медицинский персонал и матросов и обратился к ним с речью:

– Друзья мои! Мы – госпитальное судно Красного Креста и можем свободно уйти в любой нейтральный порт или даже во Владивосток и оттуда вернуться домой в Россию. Японцы нас не задержат, но это будет бегством из осаждённого Артура, где, как вы знаете, большая нехватка во врачах, сёстрах, санитарях, медикаментах. Наша рентгеновская установка весьма совершенна технически. В Артуре же есть только одна слабенькая установка в морском госпитале. Куда же, по-вашему, нам следует идти – в Артур или в нейтральные порты?

Почти двести человек с напряжённым вниманием слушали своего начальника. Тёмные силуэты людей чуть вырисовывались на фоне ночного неба.

– Можно мне? – раздался взволнованный голос одной из сестёр. Тихая, скромная, обычно малозаметная маленькая девушка неожиданно осмелела.

– По-моему, ответ может быть только один: назад в Артур! Там мы нужны, значит, туда и должны возвращаться. Конечно, в осаждённой крепости мы легко можем погибнуть, но ведь на то мы и русские женщины, внучки севастопольских сестёр, чтобы с нашими солдатами делить все трудности и опасности войны.

– Правильно, в Артур, к своим! Верно сказала сестра! – загудели в толпе.

– Вместе жили в Артуре, вместе будем и умирать, – громко проговорил один из матросов судовой команды. – Понадобится – пойдём на фронт, станем к пушкам, возьмём ружья.

– Ваше мнение, господа? – обратился Петров к врачам.

– Нас родина послала в Артур, там мы и должны остаться до конца войны. Уход в нейтральный порт будет дезертирством, – ответил за всех длинный, сухопарый младший врач Миротворцев¹⁴, прибывший в Артур уже после начала войны.

– Придётся моей жене овдоветь раньше времени, – прошептал провизор, но громко высказаться не посмел.

– Благодарю вас, друзья, за принятое решение. Русские люди, патриоты своей родины, иначе высказаться и не могли. Позвольте наш импровизированный военный совет считать закрытым, – с чувством проговорил Петров. – Капитан Охотский, прошу вас взять курс на Артур, – обернулся он к командиру «Монголии».

– Я снимаю с себя всякую ответственность, если мы будем потоплены миной или снарядом, – взволнованно ответил с мостика Охотский.

– Как работники Красного Креста, мы должны рисковать своей жизнью во имя спасения других, – возразил ему Петров.

Несмотря на все опасения, «Монголия» благополучно подошла на рассвете к Артуру. Рано утром пошёл сильный дождь. В предрассветных сумерках на горизонте затемнел массив Ляотешаня. Замедлив ход, «Монголия» уже при дневном свете осторожно остановилась далеко

¹³ Спардек – верхняя палуба.

¹⁴ **Миротворцев** Сергей Романович (1878–1949) – хирург, действительный член Академии медицинских наук (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1935 г.). Участвовал в качестве хирурга в трёх войнах: Русско-японской войне 1904–1905 годов, Первой мировой войне 1914–1918 годов и Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В Порт-Артур приехал с началом военных действий по собственному желанию, работал с 26 февраля 1904 по 1 июня 1905 года – сначала на «Монголии», затем в сухопутных госпиталях, после сдачи крепости долечивал русских раненых в плену в Японии и вместе с ними вернулся в Россию морем в 1905 году. Эти события нашли отражение в книге С. Р. Миротворцева «Страницы жизни», опубликованной в 1956 году в Ленинграде.

от берега, против самого входа. Тут же стояли «Севастополь», «Паллада» и миноносец «Бойкий». Справа, около бухты Тахе, виднелся «Ретвизан».

Почти всю ночь не спавшие пассажирки поспешили на палубу. Первое, что они увидели, была надводная пробоина в носовой части «Севастополя», наскоро заделанная деревом. На корме тоже зияла большая пробоина. Борт был усеян красными кругами с расходящимися во все стороны трещинками – следы прямых попаданий японских снарядов. Разбиты обе мачты, разворочена передняя труба. Обуглившиеся, закопчённые пожаром верхние надстройки, пушки с полуоборванными дулами – всё это придавало броненосцу жалкий вид.

По всему кораблю, как муравьи в потревоженном муравейнике, сновали матросы, приводя его в порядок. На верхнем переднем мостике стоял Эссен со сбитой на затылок фуражкой и в мегафон отдавал различные приказания, а рядом с ним облокотился на поручни бледный, усталый Акинфиев.

Рива, сложив руки рупором, громко окликнула его и замахала платком.

Лейтенант в мегафон сообщил, что он жив и здоров.

– Какие у вас потери? – послышалось сразу несколько голосов.

– Убитых нет. Ранено два офицера и пять матросов.

Вскоре показались идущие с юга в кильватерной колонне «Пересвет», «Победа» и «Полтава» с двумя миноносцами. Они изредка отстреливались от маячивших на горизонте японских кораблей. Таким образом, к Артуру собралась почти вся эскадра – не хватало «Цесаревича», «Аскольда», «Дианы», «Новика» и пяти миноносцев.

Высланные из Артура тральщики стали очищать для прохода судов рейд от мин. Со всех кораблей на «Монголию» повезли раненых.

Бездействующий во время боя плавучий лазарет быстро стал наполняться. Весь медицинский персонал поспешил на свои места. Вслед за другими судами «Монголия» двинулась ко входу в гавань.

Ночь перед выходом эскадры адмирал Витгефт провёл без сна. С вечера он беспрерывно совещался с командирами судов, отдавая последние распоряжения эскадре и остающимся в Артуре судам. Витгефт настроен был мрачно и высказал своё мнение о неизбежном разгроме эскадры в предстоящем бою. Напрасно старался его ободрить адмирал Матусевич, в противоположность командующему флотом преисполненный твёрдой уверенности в победе.

– Чего вы, Вильгельм Карлович, так расстроились? Бог не без милости, не так страшен Того, как его представляют! Конечно, без потерь дело не обойдётся, ибо уклониться от боя мы не сможем. Но всё же некоторым судам удастся прорваться во Владивосток, – уговаривал он Витгефта.

Адмирал в ответ только печально отмахивался.

– Что ни говорите, Николай Александрович, но завтрашний выход, по-моему, сплошная авантюра, которая заранее обречена на неуспех. Быть может, покойный Степан Осипович Макаров и смог бы выполнить поставленную нам задачу, но я не флотоводец и с ней не справлюсь, – тихим, слабым голосом возражал он Матусевичу.

Прибывающие на «Цесаревич» для получения последних распоряжений командиры судов получали подробную инструкцию, как им действовать в бою, после чего Витгефт, переходя на интимный тон, спрашивал каждого из них, надеются ли они на победу. Почти все командиры отвечали стереотипно:

– Как воля Божья... Поможет Никола-угодник – одолеем японца, а не поможет – сумеем умереть с честью.

Всех командиров Витгефт на прощание целовал и отечески благословлял на ратный подвиг. Младшие флагманы были настроены различно. Князь Ухтомский откровенно заявлял,

что он смотрит на выход не как на прорыв, а просто как на очередное боевое столкновение с японцами.

Зато командир отряда крейсеров Рейценштейн, только что произведённый в контр-адмиралы, бросил кратко:

– Я с крейсерами сюда не вернусь. Буду ли во Владивостоке, на дне ли моря или в нейтральном порту – не знаю, но твёрдо уверен, что артурских луж, по недоразумению именуемых Западным и Восточным бассейнами, я больше не увижу.

Витгефт горячо поблагодарил его за мужество и тут же разрешил ему в трудную минуту со своим отрядом действовать по способности.

Отпустив около полуночи свой штаб на отдых, адмирал вызвал с «Пересвета» своего сына.

Молодой офицер явился к отцу, преисполненный боевого задора. Он ни минуты не сомневался в победе и мечтал уже о бомбардировке японских островов. Настроение отца его обескуражило.

– Как же ты, папа, поведёшь завтра эскадру в бой, если сам не веришь в победу? – изумился он.

– На эскадре всего несколько человек надеются на успех, остальные же лишь выполняют царское повеление, – устало заметил отец.

Старый адмирал ласково смотрел на сына, так напоминавшего своей наружностью покойную жену. Те же карие живые глаза, яркие пухлые губы и женственно-мягкий овал лица.

Адмирал припоминал долгую супружескую жизнь и вдруг неожиданно перевёл разговор на семью. Подробно рассказал сыну о своём сватовстве к его матери, о появлении на свет Васи, вспоминал его детство. Затем перешёл к наставлениям. Это было давно продуманное им до деталей духовное завещание.

– Почему, папа, ты говоришь так, как будто уверен в своей скорой смерти? – пытался было перебить мичман.

– Я и вызвал тебя так поздно, чтобы попрощаться. Всё в руках Божьих, но у меня предчувствие, что я погибну в завтрашнем бою.

Незаметно за разговорами пролетела ночь, и, благословив сына образком, Витгефт простился с ним и долго смотрел ему вслед, пока шляпка не исчезла в предрассветном тумане...

Как только корабли начали выходить на рейд, адмирал поднялся на мостик и больше уже не сходил с него. Он безучастно следил, как медленно выходила на внешний рейд эскадра, предоставив всем распоряжаться Матусевичу.

Матусевич, прекрасно выпавшийся, был в приподнятом настроении, суетился, тормошил своих подчинённых, «фитилит» замешкавшихся командиров и весело напевал любимую арию из «Прекрасной Елены». Весь штаб постепенно начал обращаться к нему за всеми распоряжениями, а Витгефт лишь одобрительно кивал головой на все указания Матусевича.

Когда эскадра тронулась за тральщиками, Витгефт сел в принесённое для него на мостик мягкое кресло и стал молчаливо разглядывать в бинокль горизонт и идущую за «Цесаревичем» эскадру. Он подолгу останавливал свой взгляд на шедшем четвёртым от головы «Пересвете», как бы надеясь увидеть на нём своего сына.

При появлении на горизонте отряда японских броненосцев адмирал отпустил в Артур тральщики и приказал «Новику» стать на своё место. Но когда «Цесаревич» вследствие порчи машины выкатился из строя, Витгефт сразу вышел из своей апатии и в резких выражениях начал выговаривать командиру броненосца капитану первого ранга Иванову. Изумлённый непривычным тоном адмирала, командир попытался было возражать, но Витгефт приказал ему замолчать и озаботиться немедленным исправлением машины.

Чины адмиральского штаба с удивлением посматривали на своего всегда кроткого и спокойного адмирала. Матусевич даже перестал напевать и одобрительно заметил:

– Хотя и не стоит сердиться из-за пустяков, но всё же это лучше, чем сидеть в мрачном раздумье. Вот увидите, Вильгельм Карлович, мы сегодня побьём японцев, – подбадривал он командующего.

– Тьфу, тьфу, не сглазьте, Николай Александрович, – суеверно сплюнул через плечо адмирал.

Настроение адмирала не могло не отразиться на чинах его штаба, а через них и на всех офицерах броненосцев. Даже легкомысленная молодёжь приуныла и мрачно поглядывала на идущий напересечку курса русской эскадры броненосный отряд адмирала Того. Ясно видимые японские корабли шли как на параде. Точно соблюдая дистанцию и строго следуя в струе мателота, чуть поблёскивая на солнце стальными дулами орудий, японцы быстро приближались.

Командир носовой двенадцатидюймовой башни мичман Сполатбог, сидя в своём грибе над башней, наблюдал в щель за приближением японцев и удивлялся, что так долго адмирал не отдаёт приказа об открытии огня. Правда, уже оба орудийных комендора-хозяина возились около своих пушек и проверяли действия всех механизмов.

– Смотри, Гаркуша, не осрамись сегодня, – говорил комендор первого орудия, обращаясь к соседу. – Проверь как следует действие подъёмных механизмов, чтобы в самый главный момент не заело.

– Небось, Федя, всё будет в исправности, если только японец не повредит.

– Алексей Васильевич! – окликнул Сполатбога подошедший к башне старший артиллерист броненосца лейтенант Ненюков. – Помни, огонь открывать только тогда, когда противник будет ясно виден, и зря снарядов не бросать.

– Есть, есть. Как там Виля, всё ещё в похоронном настроении?

– Малость оживился и даже зафитилил Иванову, но в общем он больше думает о том, как бы уклониться от боя, чем как его выиграть.

– А Матусевич?

– Напеваёт шансонетку, рассказывает похабные анекдоты и на адмиральском мостике чувствует себя как в морском собрании. Если бы не он, дело было бы окончательный гроб. Что твои Гаркуша и Котин, чувствуют себя орлами?

– Так точно, вашбродь. Хоть сейчас готовы самого Того подстрелить, – ответил Гаркуша.

В это время пробили боевую тревогу, башня наполнилась матросами. Загрохотали лебёдки подачи, медленно заворочались дула орудий. Сполатбог спустился вниз и сам проверил исправность орудий.

– Не суетись, работай без толкотни, смотри, чтобы всё было в исправности, – предупреждал он.

С моря донёсся тяжёлый звук выстрела из крупного орудия, и вскоре справа по носу взметнулся столб воды.

– Началось... Господи, благослови, – сразу посерьёзнили матросы.

Сполатбог поднялся на своё место. За первым выстрелом последовали другие. Бой начался.

– Убрать прислугу мелкой артиллерии и всех свободных вниз, – распорядился Витгефт. – Открыть огонь по головному кораблю противника.

Сигнальщики бросились набирать нужные флаги. Матусевич внимательно разглядывал японцев.

– Четыре броненосца и два броненосных крейсера, – проговорил он. – Всего двадцать семь крупных и около пятидесяти шестидюймовых орудий против двадцати трёх крупных и тридцати средних с нашей стороны. Превосходство не так уж велико.

Витгефт в ответ только тяжело вздохнул:

– Всё-то вы, Николай Александрович, видите в розовом свете.

– Зато вы, Вильгельм Карлович, уж очень мрачно смотрите на всё.

Разорвавшийся у носа корабля японский снаряд осыпал стоящих на мостике градом осколков. Ранило двух сигнальщиков. Появились носилки. Витгефт продолжал равнодушно сидеть в своём кресле, как будто ничего не случилось.

Зато Матусевич сразу заволновался.

– Вы бы, Вильгельм Карлович, ушли в боевую рубку, а то здесь, не ровён час, пустяковым осколком зацепит, – предложил он.

– В рубке и без того тесно. Уйти одному я не считаю возможным, а всем нам всё равно там не поместиться.

– Поднимитесь хотя бы на верхний мостик, там меньше падает осколков.

– Не всё ли равно, где помирать? – мрачно отозвался командующий эскадрой и, отвернувшись, стал рассматривать противника.

Матусевич пожал плечами и вполголоса выругался.

Обе эскадры продолжали вести редкий огонь с дальней дистанции. Японцы пересекли курс русской эскадры и пошли контркурсом. Огонь с обеих сторон сразу усилился. «Цесаревич» грохотал всем правым бортом. В то же время в него один за другим попало несколько крупных снарядов, которыми броненосцу было нанесено несколько пробоин и разбит спардек. Осколки забарабанили по броне носовой башни.

Уловив момент, Сполатбог дал залп по головному японскому броненосцу «Микаса».

Как только откатившиеся орудия встали на своё место и были открыты замки для нового заряжения, вся башня наполнилась хлынувшими из дула едкими пороховыми газами. Прислуга сразу закашляла и зачихала, у многих начали болеть глаза.

– Наводить невозможно, вашбродь, – жаловался мичману Гаркуша.

– Открыть для проветривания броневую дверь! – распорядился Сполатбог.

Через некоторое время воздух в башне очистился, и матросы смогли снова войти в неё. При следующих выстрелах повторилось то же. Быстрая стрельба стала невозможной. Матросы жаловались на головную боль и с трудом обслуживали орудие.

Мичман вышел из башни и доложил об этом старшему артиллеристу, стоявшему впереди боевой рубки. Вслед за Сполатбогом о том же сообщили командиры других плутонгов¹⁵. Создалось неожиданное и серьёзное препятствие. Дувший со стороны японцев ветер мешал стрелять русским.

– Вызвать вторую смену из людей от мелкой артиллерии. Пусть после каждого выстрела чередуются и выходят наружу из башен, прячась за ними, – распорядился командир броненосца.

Стрельба продолжалась. При каждом попадании неприятельского снаряда стоящие открыто матросы бросались за укрытия, спасаясь от осколков. Большинство успевало укрыться, но некоторых всё же задевало. То и дело раздавался громкий крик: «Носилки». Это бегание матросов вносило большой беспорядок.

Витгефт молчаливо созерцал картину боя.

Японцы, вначале усиленно обстреливавшие «Цесаревича», теперь перенесли огонь на концевые корабли. Когда крейсера ловким манёвром вышли из-под обстрела, на мостике все зааплодировали. Даже Витгефт начал улыбаться и приказал выразить крейсерам своё удовольствие.

Между тем японцы, продолжая идти прежним курсом, вскоре почти скрылись за горизонтом. Над поверхностью моря виднелись только трубы и мачты. Бой прекратился. Русская эскадра, развив ход до пятнадцати узлов, шла двумя колоннами к Корейскому проливу. На судах пробили отбой и велели команде пить чай.

¹⁵ **Плутонг** – совокупность группы орудий одинакового калибра, расположенных на корабле. Теперь этот термин заменён словом «батарея».

На адмиральском мостике собрался весь штаб, командир и старшие специалисты броненосца. Началось оживлённое обсуждение создавшейся обстановки. Запросили суда о повреждениях. Они оказались незначительными.

– Японцы, очевидно, сильно пострадали, так как оторвались от нас и сейчас, наверное, занимаются починкой, – уверял всех Матусевич. – Я своими глазами видел несколько попаданий в «Микасу» и «Ниссин». На последнем даже вспыхнул пожар.

Флаг-офицер Эллис и Кувшинников подтвердили, что почти на всех японских кораблях были видны значительные пробоины.

– Пока Того зализывает свои раны, мы успеем уйти подальше и с наступлением темноты сможем и вовсе скрыться от него, – вторил Матусевичу флагманский штурман лейтенант Азарьев.

– Ночью мы сможем скрыться от японцев ложными поворотами, – неожиданно оживился Витгефт.

Было видно, что и у него появилась надежда на благополучный исход боя. Эскадра продолжала идти в полном порядке, сохранив после первого боя всю свою боеспособность.

– Выпьем за наш успех, – предложил Матусевич и приказал подать на мостик завтрак себе и командующему эскадрой, отпустив остальных офицеров в кают-компанию.

Старший офицер броненосца капитан второго ранга Шумов доложил Витгефту, что одним из снарядов разрушено адмиральское помещение.

– Бог с ним совсем, лишь бы нам благополучно вырваться отсюда, – отозвался адмирал. – Пошлите ко мне моего вестового, – попросил он.

Когда вестовой пришёл, Витгефт приказал узнать, сохранился ли портрет его покойной жены, стоявший на письменном столике, и если он уцелел, то принести ему.

Подали завтрак. Матусевич с обычным аппетитом смаковал каждое блюдо.

Изысканный завтрак пришёлся по вкусу и Витгефту. Он заметно повеселел, пробуя различные закуски.

– Не потребовать ли нам флакон «Мумма»? – предложил Матусевич после завтрака.

– Нет уж, шампанское будем пить, когда попадём во Владивосток, – отказался адмирал.

Перевалило за полдень, солнце начало склоняться к западу. По-прежнему стояла хорошая погода. Позавтракав, Витгефт сел поудобнее и, нежась на солнце, задремал.

Матусевич спустился с мостика и начал вместе с командиром обход броненосца. Матросы бодро вытягивались при виде начальства и бойко отвечали на все вопросы адмирала.

– Сколько японцев сегодня убил? – обратился Матусевич к стоявшему около башни Гаркуше.

– Трёх офицеров и десятка два матросов, ваше превосходительство, – не сморгнув, ответил комендор. – Да ещё один снаряд не разглядел в прицельную трубу. Думается, как бы не в самого ихнего адмирала угодил.

– Молодчина, врётся и не краснеешь! Спасибо за службу. А этот что у вас делает? – обернулся адмирал к Котину, который усердно протирает глаза.

– Японец на меня, ваше превосходительство, больно рассерчал, как я его двенадцати-дюймовкой угостил, и со злости запорошил мне глаза, – улыбнулся в ответ матрос.

На спардеке на скорую руку приводили что можно в порядок. У правой кормовой шести-дюймовой башни матросы, пользуясь перерывом, играли в орла и решку. Заметив начальство, они вскочили.

– Продолжай играть, – разрешил адмирал, – только смотрите, чтобы в игре с японцами нам выпал орёл, а не решка.

– Если нам, ваше превосходительство, и выпадет решка, мы адмирала Тогова обжулим и перевернём орлом вверх, – ответил один из играющих.

– Молодцы, ребята! – похвалил Матусевич.

Спустившись затем вниз, он посетил раненых матросов. Судовой лазарет был разрушен одним из снарядов, и раненых временно поместили в кондукторской кают-компании. Многие из раненых были в сознании и, увидя адмирала, стали задавать ему вопросы о ходе боя.

– Подсыпали, значит, малость перцу японцам, коль они так скоро от нас отстали, – радовались матросы. – Пусть теперь будут поосторожнее в драке!

– Весёлый адмирал, – заметил один из раненых, – он, сказывают, и морду бьёт тоже весело, с прибаутками.

– Вот бы его вместо Витгефта. Тот с самого Артура сидит, как сыч, в кресле, – сокрушённо заметил один из флагманских сигнальщиков.

– Да. Нашему командующему настоятелем в монастыре быть, а не адмиралом. Всё вздыхает да крестится. На него посмотришь – и на самого тоска нападает.

– Даже женину карточку ему вестовой принёс, так он её при всех поцеловал и в карман, как иконку, спрятал.

– Японцы с левого борта нас нагоняют, – сообщил вошедший фельдшер.

– Значит, ещё будет драка, – угрюмо заметил сигнальщик.

В начале пятого эскадра адмирала Того, идя параллельным курсом с русской на расстоянии пятидесяти-шестидесяти кабельтовых, начала её медленно нагонять. С каждой минутой становилось очевидней, что новый бой неизбежен.

На адмиральском мостике оба адмирала с командиром «Цесаревича» и флагманскими специалистами разбирали различные способы маневрирования эскадры, чтобы поставить неприятеля в невыгодное положение.

Начавшаяся перестрелка прервала совещание. Русская эскадра продолжала идти прежним курсом в кильватерной колонне, увеличив ход до пятнадцати узлов.

Японцы начали стрельбу с сильных перелётов по флагманским кораблям «Цесаревич» и «Пересвет». Но затем постепенно пристрелялись и стали засыпать русских снарядами. Русские очень энергично отвечали, так что бой шёл с равным успехом для обеих сторон.

После пяти часов вечера в «Цесаревича» стало попадать особенно много снарядов. Воздух был буквально насыщен свистящими осколками. Но Витгефт упрямо продолжал оставаться на открытом нижнем боевом мостике. Поскольку здесь находился адмирал, рядом с ним поместился и весь штаб. Лица почти у всех побледнели и приняли то особенное сосредоточенное выражение, которое бывает у людей, подвергающихся смертельной опасности.

Даже Матусевич перестал напевать и, стоя на правом крыле мостика, внимательно наблюдал за тем, что происходит на японской эскадре. Флаг-офицер мичман Эллис украдкой крестился при каждом новом попадании. У Азарьева тряслись от волнения руки. Оба сигнальщика испуганно шарахались в сторону при близких разрывах. Один Витгефт продолжал спокойно стоять, облокотившись на спинку своего кресла. Временами он в бинокль смотрел на шедшие в кильватер «Цесаревичу» броненосцы. Но тучи дыма, окутывавшие всю эскадру, мешали что-либо разглядеть как следует. Видны были лишь облака чёрного дыма, сквозь который иногда проступали трубы и мачты.

Адмирал отошёл к левому крылу мостика и погрузился в наблюдение за происходившим на «Пересвете». Броненосец был опоясан зеленоватыми огнями выстрелов.

– Молодцами отбиваются, – вполголоса проговорил подошедший к адмиралу Эллис.

– Сегодня наша эскадра ведёт стрельбу более выдержанно, чем японцы. Они явно нервничают и зря бросают много снарядов, – заметил стоявший тут же лейтенант Азарьев.

– Через час начнёт темнеть, и если мы продержимся, то это будет равноценно выигранному бою, – произнёс Витгефт.

– Конечно, продержимся! Смотрите, «Микаса» горит и стреляет всё реже, на «Асаме» пожар, «Якумо» на время совсем вышел из строя. Адмирал Того, верно, чувствует себя весьма неважно, – ответил Эллис.

Вдруг двенадцатидюймовый снаряд разорвался над мостиком, ударившись в середину фок-мачты. Вслед за оглушительным грохотом всё заволокло густым дымом.

Сила взрыва была так велика, что даже матросы, стоявшие на верхней палубе около носовой башни, были сбиты с ног. Командир «Цесаревича», находившийся в этот момент впереди боевой рубки, воздушной волной был отброшен в сторону и потерял сознание. В самой боевой рубке сорвало с рельсов левый дальномер и сильно всех оглушило. У стоявшего около входа горниста Зубова лопнула барабанная перепонка в правом ухе. Решив, что его ударил кто-нибудь из офицеров, он вскрикнул от боли и тотчас же скороговоркой проговорил:

– Виноват, вашбродь, сейчас отойду в сторону!

Как только первый испуг миновал, все находившиеся в боевой рубке кинулись наружу. На мостике они увидели потрясающую картину. Вся палуба была забрызгана кровью. На ней вперемешку лежали тела офицеров и матросов, но Витгефта среди них не было. Матусевич, отброшенный к рубке, был придавлен другими. Он пытался приподняться, но, обессиленный полученными ранами, падал снова. Когда его освободили, он прежде всего спросил, где Витгефт, и потерял сознание. Его снесли на перевязочный пункт. Неподалёку подавали признаки жизни ещё несколько человек.

– Но где же адмирал?! – испуганно озирался подошедший в это время уже оправившийся командир «Цесаревича» Иванов.

– Вот, – хрипло проговорил один из матросов, с ужасом указывая на валявшийся далеко на палубе окровавленный кусок мяса с болтавшимся на нём адмиральским погоном.

Бросились разбирать валявшиеся трупы и между ними нашли оторванную по бедру ногу. По метке на белье определили, что она принадлежит Витгефту. Тут же лежали обезглавленные трупы Эллиса и Азарьева.

Тела убитых унесли вниз и окатили палубу водой.

Памятуя о той растерянности в эскадре, которая произошла во время гибели адмирала Макарова на «Петропавловске», когда командование было передано тому же адмиралу Ухтомскому, командир «Цесаревича» решил идти прежним курсом, не сообщая о гибели адмирала.

Между тем японцы, несколько обогнав русскую эскадру, стали охватывать их голову и отжимать её к северу. Чтобы избежать этого, Иванов приказал положить право руля, повернув на два румба влево.

В это время двенадцатидюймовый снаряд ударился о верхний передний мостик и осыпал осколками боевую рубку. Часть из них попала в прорезь рубки, имеющую ширину около фута, переранила всех находившихся в рубке и уничтожила все приборы. Иванову перебило руку, и от боли он потерял сознание. Положенный направо руль так и остался в этом положении, вследствие чего никем не управляемый броненосец стремительно покатился влево и стал описывать циркуляцию.

Никто из находившихся вблизи рубки не заметил происшедшего в ней, и все решили, что эскадра по каким-то причинам меняет курс. Но когда крен броненосца достиг опасного предела, то матросы в ужасе стали выбегать от внутренних помещений на палубу и кинулись к борту. Было очевидно, что с кораблём что-то неладно. Офицеры бросились в рубку. Они увидели лежащего на палубе командира броненосца. Рядом, с развороченной грудью, хрипел в предсмертной агонии старший судовой штурман лейтенант Никшич. Тут же вперемешку лежали раненые матросы и офицеры. Крикнули носилки, лейтенант Пилкин бросился к штурвалу, пытаясь вывести броненосец на курс, но руль не действовал. Тогда лейтенант решил перевести управление на центральный пост и одновременно послал за старшим офицером, который должен был вступить в командование броненосцем.

Капитан второго ранга Шумов находился в носовой батарее. До него только что дошло известие о гибели Витгефта, и он решил подняться наверх, чтобы выяснить обстановку, но в

это время броненосец сильно накренился на правый бок. Почуввав неладное, старший офицер поторопился выйти на палубу, где он встретил шедшего на перевязку командира броненосца.

– Что случилось, Николай Михайлович? – спросил встревоженно Шумов. – Где адмирал Матусевич?

– Адмирал тяжело ранен и отнесён к себе в каюту. Примите командование броненосцем и сообщите эскадре, что адмирал передаёт командование младшему флагману.

– Есть. Всё будет исполнено, – и Шумов побежал наверх.

Прошло несколько минут, пока наконец старший офицер с помощью лейтенанта Пилкина и вернувшегося с перевязки старшины рулевого Лосева перевели управление броненосца на центральный пост. Одновременно был поднят сигнал о передаче командования адмиралу Ухтомскому. Но вследствие дыма от пожара, окутывавшего «Цесаревича», не все корабли разобрали этот сигнал и по-прежнему продолжали следить за флагманским броненосцем. Они тоже начали поодиночке ложиться на обратный курс.

Между тем «Цесаревич» плохо удерживался на курсе и из-за сильного повреждения дымовых труб начал отставать от других судов. Японцы, не осмелившиеся преследовать основную часть эскадры, поспешили напасть на израненный русский корабль. На нём сосредоточили огонь броненосцы и два отряда крейсеров. Но наступившая темнота мешала наблюдению за стрельбой, и «Цесаревич» не получил значительных повреждений.

Все крупные и средние орудия на нём продолжали действовать безотказно. Несколько удачных выстрелов броненосца вызвали пожар на одном из крейсеров противника, после чего и остальные поспешили отойти за пределы досягаемости русских орудий. Броненосцы вследствие значительных повреждений тоже вскоре отстали.

Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских взглядов. «Цесаревич» остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащённая стрельба лёгкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать её.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу – все компасы на нём были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал своё мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

– Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

– Сейчас попасть туда ещё труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться, – возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

– Остаётся одно – пробираться в нейтральный порт, там починиться насколько возможно и затем идти во Владивосток, – решил Шумов.

– Но это – бегство от войны! Там нас, конечно, тотчас же разоружат, – взволнованно говорил весь забинтованный старший артиллерийский офицер лейтенант Ненюков. – Честь Андреевского флага не позволяет нам принять такое позорное решение.

– Что же вы предлагаете? – спросил Шумов.

– Немедленно идти на соединение с остальной эскадрой.

– Это невозможная вещь, – вмешался поднявшийся на мостик старший механик Корзун. – В левой машине снарядом погнут гребной вал, в передней кочегарке выведены из строя все котлы, трубы разрушены. Тяги нет, это вызывает огромный перерасход угля. Мы не можем давать больше тридцати оборотов в минуту, то есть иметь ход свыше шести-семи узлов при самой напряжённой работе кочегаров. Уж по одному этому мы не в состоянии ни догнать нашу

эскадру, ни уйти во Владивосток. Нам остаётся одна дорога – в нейтральный порт. Хорошо ещё, если нам туда удастся добраться.

– Вы всегда, Алексей Владимирович, любите всё представлять в мрачном свете, – возразил Ненюков.

– Факты, дорогой Дмитрий Васильевич, вещь упрямая.

Постепенно на мостике собрались и другие офицеры броненосца. Завязался горячий спор. Молодёжь была за Ненюкова и настаивала на возвращении в Артур, если нельзя идти во Владивосток. Более пожилые находили целесообразным уход в нейтральный порт.

– Зайдём в Циндао¹⁶. По правилам нейтралитета, существующим там, корабль любой воюющей страны может в порту починиться, пополнить запасы угля и продовольствия и затем продолжать свой путь, – предложил лейтенант Щетинин, размахивая забинтованной рукой.

Это мнение примирило всех. Решено было по способности двигаться в Циндао, расположенный на юге Шантунгского полуострова. До него оставалось около ста двадцати миль.

– Самая главная наша задача сейчас – это скрыться от японских миноносцев. Поэтому прежде всего необходимо произвести возможно большее затемнение броненосца. В случае же обнаружения противника не открывать боевых фонарей и вести огонь лишь в крайности, уклоняясь от мин изменением курса, – отдавал распоряжения Шумов.

Сухой и педантичный, он не пользовался любовью ни команды, ни офицеров. Но за истекший день он проявил столько хладнокровия и мужества в самые трудные минуты боя, что сразу приобрёл авторитет у своих подчинённых.

– Есть, есть, – обрадованно ответили офицеры и разошлись по своим местам.

В то время как артиллеристы с обоих бортов усиленно вглядывались в окружающую темноту, остальные матросы, как могли, приводили в порядок всё, что было возможно при отсутствии света. Палубы очищались от загромождавших их обломков, вместо снесённых трапов наскоро прилаживали деревянные, трюмный дивизион наспех заделывал многочисленные пробоины в корпусе корабля, которые, к счастью, были почти все надводные, и откачивал воду из затопленных помещений.

На перевязочном пункте два врача едва успевали перевязывать раненых. Больше половины раненых матросов вернулись в строй, и только человек пятнадцать были размещены по офицерским каютам и в адмиральской столовой. Известие, что «Цесаревич» идёт в Циндао, было встречено общим одобрением.

– Думал я, что наш старшой только и умеет, что жалкие слова говорить да под винтовку ставить. А, оказывается, он очень даже башковитый командир, – разглагольствовал раненный в обе ноги сигнальный старшина Мокин.

– Да, многие его за сегодня добром помянут, – заметил старший врач Шплет, перевязывая писаря Кутова. – Можно ручаться теперь, что все наши раненые выживут, а у Гаврилова останется нога, – кивнул он на стонавшего рулевого с раздробленной ногой.

– Николе-угоднику свечку поставлю за старшого, ежели так будет, вашескорodie, – прохрипел тот с трудом. – Мне без ноги лучше не жить. Что я буду делать у себя дома? Жена да трое детей, я один работник в семье.

– Не волнуйся. Как придём в порт, тебя первого отправим на берег. Сложим кость и загипсуем. Через полтора месяца танцевать будешь, – улыбнулся младший врач.

– Фёдор Лукич, – обратился к нему Шплет, – побудьте здесь, а я пойду проведать Матусевича, – и вышел в коридор.

¹⁶ Циндао – китайский порт на юге Шаньдунского полуострова, был военно-морской базой Германии, построенной ею после захвата в 1897 году Цзяочжоуской области и заключения с Китаем договора на её аренду в 1898 году.

Адмирал уже пришёл в себя и стоически переносил боль. Он читал рассказы Мопассана, изредка громко смеясь. При этом он тотчас же начинал болезненно морщиться – тяжёлое ранение в живот и ноги давало себя знать при малейшем движении.

– Как дела, дражайший эскулап? – фамильярно-дружески обратился он к вошедшему врачу.

– Плывём в Циндао, пока на море тихо и темно.

– Значит, Шумов молодцом справляется с делом?

– Офицеры им не нахвалятся. Матросы – и те добром вспоминают.

– Ишь ты! А ещё два дня тому назад в Артуре мы с покойным Вильгельмом Карловичем думали его сменить как неавторитетного офицера. Как Николай Михайлович? – осведомился он о командире «Цесаревича».

– Рана у него пустяковая. Другой бы на его месте и не выходил из строя.

– Тоже сюрприз. Считался он боевым командиром, а оказался мокрой курицей.

– Ваше самочувствие как, Николай Александрович?

– Больно, а так ничего. Жарок около тридцати восьми. Во всём виноват покойник адмирал. Ну какого, спрашивается, рожна он торчал на мостике и нас с собой держал? Сидел бы в боевой рубке, или на верхнем мостике, или даже на марсе. Все были бы если не целы, то живы. И я не валялся бы здесь как дурак. Сколько времени мне придётся лежать?

– С месяц.

Адмирал облегчил свою душу крепким морским словом и попросил дать ему марсалы.

– Выпьем за упокой души Вильгельма Карловича. Чудесный был человек. Мягкий, добрый, отзывчивый, храбрец первейший, только вот духом слабоват. Ну да Бог с ним, царствие ему небесное. Передайте Шумову мою благодарность и одобрение принятого решения. А Иванову посоветуйте от меня по-дружески поскорее поправиться, – говорил он, прощаясь с врачом.

Когда доктор вышел, Матусевич налил в бокал марсалы, поглядел на свет и начал пить мелкими глотками, причмокивая от удовольствия.

Командир броненосца полулежал у себя в каюте, положив раненую руку на подушку. Его слегка лихорадило, и он то и дело проводил ладонью здоровой руки по своему горячему лбу.

«Гангрена, отнимут руку», – беспокоило думал капитан, прислушиваясь к боли.

О судьбе броненосца с момента передачи командования он не думал.

«Пусть там Шумов выкручивается, как хочет. Да и едва ли теперь кто нападёт в темноте на след «Цесаревича», – утешал он себя.

Приход врача отвлёк его мысли.

– Адмирал рекомендует вам вступить в командование броненосцем, – проговорил врач, осмотрев больного.

– Но я себя очень плохо чувствую.

– На свежем воздухе вам будет лучше. Положите руку на повязку и будете спокойно сидеть в кресле. Я сейчас позову двух матросов. Они вас под руки проведут.

Поднявшись на мостик, капитан тотчас же сел в кресло, положил раненую руку на подушку, понюхал нашатырного спирта и затем уже позвал к себе Шумова.

– Адмирал приказал мне вступить в командование, но я чувствую себя очень плохо. Так что прошу вас распоряжаться по-прежнему. Каков наш курс?

– Я приказал править по Полярной звезде, имея её за кормой, так что можно считать, что мы идём на курс.

– Прекрасно. Когда доберёмся до Шантунга, то свернём вдоль его берега и выйдем в Циндао. Где находятся останки адмирала и его штабных?

– Снесены в его каюту и накраты адмиральским флагом.

– Завтра мы их погребём, если всё будет спокойно. В случае особой нужды разбудите, а я подремлю, – и командир, отпустив Шумова, поудобней уселся в кресле.

Ночь проходила спокойно. Постепенно нервное напряжение пережитого дня спадало. То тут, то там раздавался храп спящих матросов, прикорнувших на своих местах. Было очевидно, что японцы окончательно потеряли из виду «Цесаревича». Нашёл низовой туман, плотно закрыв весь горизонт. Кое-как исправили один из компасов и, взяв курс на юг, пошли на малых оборотах. Команде разрешили повахтенно спать около орудий.

На рассвете открылись огни южного Шантунгского маяка. Продрогши на заре, Иванов очнулся от дремоты и, увидев маяк, взял курс на восток. Вскоре увидели берег Шантунгского полуострова и пошли вдоль берега на юг.

Проиграли побудку. Матросы, спавшие кто где придётся, торопливо бежали к умывальникам и мылись холодной забортной водой. Затем быстро позавтракали и во главе с боцманами ринулись на приборку корабля.

Одновременно комиссия из старшего офицера и старших специалистов занялась осмотром полученных в бою повреждений.

На броненосце оказалось пятнадцать крупных пробоин выше и ниже ватерлинии. Фок-мачта была перебита посредине и удерживалась от падения только верхним мостиком. При каждом размахе она грозила рухнуть. Все попытки закрепить её таями¹⁷ оказывались безуспешными. Трубы были изрешечены, задняя же разворочена сверху донизу; все прожекторы снесены, шлюпки избиты.

Вследствие подводных пробоин два отсека с правого борта оказались залитыми водой. Рулевое отделение было совершенно разрушено, руль повреждён. Внутри оказались разбитыми адмиральская каюта, лазарет и много других помещений.

– Здорово же нас разделали, – резюмировал Шумов после окончания осмотра.

– С такими повреждениями нечего и думать о Владивостоке.

– Да. Для починки нам нужно не меньше месяца, – заметил Пилкин.

– Придётся, видимо, разоружиться и выйти из игры, – задумчиво проговорил Ненюков. – Отвоевался наш «Цесаревич».

Эти слова тотчас же распространились по всему кораблю.

– Ежели до порта доберёмся, там, значит, и станем на мёртвые якоря до конца войны, – разглагольствовал Гаркуша. – Эх, и выпью за упокой души покойного адмирала!

– Погоди, неизвестно, что ещё будет. Вдруг япошка откуда ни возьмись наскочит? Тогда не миновать нам рыбьего царства, – ответил Котин.

Около полудня команду выстроили на палубе перед уложенными в ряд трупами убитых. Все погибшие были зашиты в брезент, к ногам привязан груз. Справа, прикрытая адмиральским флагом, лежала отдельно нога Витгефта, рядом тела четырёх офицеров и восьми матросов под общим Андреевским флагом. Судовой священник, отец Рафаил, всё ещё бледный от вчерашних переживаний, с трясущейся головой, слабым прерывающимся голосом служил панихиду. Летнее полуденное солнце палило обнажённые головы; ослепительно блестело море под глубокой синевой бездонного неба. Всё это плохо гармонировало с разрушениями на броненосце, с лежащими на палубе трупами, от которых уже шёл запах тления.

– Преклониша колени, Господу помолимся! – провозгласил священник и опустился на избитую и исковерканную снарядами и пожарами палубу.

За ним последовали матросы.

– «Вечная память, ве-е – ечная память», – выводил судовой хор печальную мелодию.

– Из земли взят и в землю отыдеси, яко земля есть, – пробормотал священник, осыпая покойников землёй, принесённой матросом-причетником в ведре.

¹⁷ **Тали** – приспособления из блоков с продёрнутым через них тросом для подъёма тяжестей.

Панихида окончилась.

– Накройсь! – скомандовал вахтенный начальник. – Слушай на караул!

Матросы вскинули винтовки, офицеры блеснули обнажёнными палашами. Приспустили наполовину кормовые и стеньговые флаги. Музыка заиграла «Коль славен». Командир броненосца, старший офицер и уцелевшие чины штаба эскадры подняли гроб с останками адмирала. Резко прогремел траурный салют из кормовых трёхдюймовок. Останки адмирала Витгефта в последний раз торжественно проплыли под заунывные звуки музыки вдоль выстроенных во фронт матросов. Слабо плеснулась вода, принимая то, что осталось от незадачливого адмирала.

Затем были спущены остальные тела. Когда последнее соскользнуло с доски, Иванов скомандовал: «К ноге!» – и, выступив вперёд, поблагодарил матросов за боевую работу.

– Мы направляемся в нейтральный порт, там починимся и с Божьей помощью попытаемся прорваться во Владивосток, – закончил он свою речь.

Затем матросов распустили, а командир броненосца отправился с докладом к Матусевичу. Адмирал не имел уже такого бодрого вида, как накануне. Бесперывные боли наложили отпечаток страданий на его побледневшее лицо. Он сильно нервничал. Выслушав доклад, Матусевич одобрил решение идти в Циндао.

– В сорочке вы родились, Николай Михайлович, – улыбнулся адмирал. – Надо быть очень счастливым, чтобы благополучно вывести из боя весь избитый броненосец и избежать при этом встречи с многочисленными японскими кораблями.

– Помимо счастья, необходимо также и уменье, – обиделся Иванов.

– Тут никакое уменье не помогло бы. Я объясняю нашу удачу лишь полной растерянностью японцев после боя. Не добить едва передвигающегося «Цесаревича» – это непростительное упущение со стороны японцев.

– Надо думать, что ваше превосходительство не в претензии за это на адмирала Того!

– Само собой разумеется. Как только починитесь, Николай Михайлович, с Богом двигайтесь во Владивосток. Авось одному броненосцу удастся то, что не смогла выполнить эскадра.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, сейчас я едва стою на ногах, но как только оправлюсь – вновь попытаю счастья!

К вечеру того же дня «Цесаревич» добрался до Циндао, где через несколько дней был разоружён и интернирован до конца войны.

– Шесть узлов хода. И это боевая эскадра, идущая на прорыв в виду неприятеля! – возмущался командир отряда крейсеров адмирал Рейценштейн. Он стоял на мостике крейсера «Аскольд» и рассматривал в трубу маячившие на горизонте японские суда.

– Ход наш зависит от идущих впереди тральщиков. При большой скорости тралы всплывут на поверхность и перестанут выполнять своё назначение, – ответил находившийся рядом с ним командир корабля капитан первого ранга Борис Николаевич Грамматчиков.

– Если мы будем и дальше идти с такой же скоростью, то, наверно, потерпим неудачу, – раздражённо продолжал адмирал.

Исполняющий обязанности флаг-офицера молоденький мичман Медведев вдруг резко протянул руку вперёд и указал на плывущую невдалеке от крейсера гальвано-ударную мину¹⁸.

– Вызвать караул для расстрела мины, – приказал Грамматчиков.

Вскоре двадцать матросов, выстроившись вдоль борта, дали несколько залпов. Мина затонула.

– Тральщики называются, так их перетак! – ругался Рейценштейн. – Тралили чуть ли не неделю и всё же не сумели полностью очистить рейд. Я бы прописал ижицу этому толстому

¹⁸ **Гальвано-ударная мина** – контактная мина, взрывающаяся под действием электрического тока, получаемого от гальванических элементов, размещённых в гальвано-ударном колпаке мины.

тюленю Лощинскому за такую работу! Передайте сигналом командующему: «Вижу слева плавающие мины».

– Есть, – ответил мичман и приказал флагманским сигнальщикам набирать нужные флаги.

В противоположность адмиралу, Грамматчиков с невозмутимым спокойствием продолжал наблюдать за происходящим. Культурный, образованный командир, Грамматчиков подобрал себе таких же офицеров. На крейсере был уничтожен мордобой, даже боцман Кулик боялся пускать в ход свои пудовые кулаки и крупно ругаться осмеливался лишь вполголоса. Грамматчиков происходил из артистической семьи и сам готовился стать музыкантом. С его матерью, известной в своё время скрипачкой, был хорошо знаком в молодости Макаров. Его рассказы о море и морях пробудили в юноше страсть к морской службе. Подающий большие надежды пианист сменил концертный зал на палубу корабля и беккеровский рояль на скорострельное орудие. Но любовь к музыке осталась в нём навсегда. Грубоватый, бурбонистый Рейценштейн не мог прийтись по душе Грамматчикову. Адмирал, в свою очередь, недолюбливал командира «Аскольда» и считал его полуштатским человеком, не лишённым известного свободомыслия. Скрепя сердце Рейценштейн поднял на «Аскольде» свой флаг. Теперь ему предстояло идти в бой вместе с Грамматчиковым.

Следуя малым ходом за колонной броненосцев, «Аскольд» то и дело должен был стопорить машины, чтобы избежать столкновения с «Полтавой», идущей впереди. Грамматчиков при этом только морщился, а адмирал отчаянно ругался.

– Команда имеет время обедать, – доложил адмиралу новый сигнал «Цесаревича» Медведев.

– Свистать к вину, – скомандовал вахтенный начальник мичман Житков.

По всему крейсеру понеслись резкие звуки боцманских и унтер-офицерских дудок.

На мостик подали пробу. Весь в белом, блистая чистотой, стоял навытяжку кок, держа поднос с поставленными на нём двумя мисками с борщом и кашей, солонкой и несколькими кусками чёрного хлеба. Первым пробовал Рейценштейн. Взяв ложку, он помешал подёрнутый янтарным жиром борщ и, подув на него, осторожно прикоснулся к нему губами и только после этого решился проглотить. Попробовав затем рисовую кашу и заев всё хлебом, он состроил недовольную гримасу.

– Борщ превосходный, но каша вся в комьях. Рис надо варить на пару при минимальном количестве воды. И вообще рисовая каша – это совсем не то, что наша гречневая. Не правда ли? – спросил он у кока, продолжавшего стоять навытяжку.

– Так точно, ваше превосходительство. Силы от неё мало, – бойко ответил матрос.

Слева показались японские корабли. Все подняли бинокли, стараясь разглядеть приближающегося врага. Матросы спешно заканчивали обед и расходились кто куда отдохнуть перед боем. Большинство поднялось на палубу и с тревогой и любопытством следило за приближающимся врагом. Подошедший к ним артиллерийский офицер лейтенант Киткин стал называть типы видневшихся судов.

– Справа «Якумо», похожий на нашу «Диану», «Касаги», «Читозе», – перечислял он. – Эти не страшны – лёгкие крейсера. Слева старые суда: броненосец «Чин-Иен», крейсера «Хасидате», «Мацушима», «Итцукушима» – тоже неопасные. Зато вон по носу напересечку нам идут главные силы – «Микаса», «Асахи», «Фуджи», «Шикишима». За ними броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга». По мощности артиллерийского огня они немного даже превосходят наш броненосный отряд.

– Много их, вашбродь. Со всех сторон окружают нашу эскадру, – встревоженно заговорили матросы.

– Да, драка будет жаркой, комендоры должны сегодня особенно внимательно наводить орудия. Главное – не робей, тогда японцу несдобровать.

– Постараемся, вашбродь, – дружно ответили матросы.

Пробили боевую тревогу, и матросы разбежались по своим местам. Палуба опустела. Адмирал с командиром поместились в боевой рубке.

Расстояние до противника было слишком велико, и японцы огня не открывали. Когда они разошлись на контргалсах с отрядом броненосцев, обрушили на крейсера огонь шестидюймовых орудий правого борта «Аскольда». Старший артиллерист лейтенант барон Майдель, невзирая на обстрел, открыто стоял на мостике и голосом передавал приказания во все башни и батареи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.